SGP
CIVILITAS ET POLITICA

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ XXI ВЕК

Volume 15
№ 3 (52) 2019
Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия
Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия
Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия
Ван Чэньсин – научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, программный менеджер Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай
Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор
Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай
Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия
Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай
Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр
Енгибарян Р.В. – научный руководитель факультета управления и политики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия
Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай
Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, кандидат экономических наук, доцент, Россия
Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия
Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили
Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия
Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия
Доктор **Душан Павлович** – факультет политических наук Белградского университета, Сербия
Потьер Андре Тимоти – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия
Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, кандидат политических наук, Россия
Субочев В.В. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия
Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия
Тйаги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия
Доктор Герхард Шнайдер – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания
Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО
корректор – **Т.М. Срапян**
компьютерная верстка – **Д.Е. Волков**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ПУБЛИЦИСТА

3 **Р.В. Енгибарян**
Массово-бесконтрольная иммиграция - угроза гражданско-правовой и цивилизационной стабильности стран Западной Европы и России

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

10 **Тереза С. Энкарнасьон Тадем**
Пересмотр государственного управления в отношении социально-экономического неравенства на Филиппинах

23 **Л.Н. Берг**
Синергия правового воздействия

32 **Е.Б. Завьялова, Е.И. Шумская, А.И. Шумская**
Сделки в цифровую эпоху: технология блокчейн и смарт-контракты

39 **П.П. Добротворский**
Моделирование правового развития в контексте глобальных проблем человечества

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

47 **В.Н. Гончаров, В.Н. Тисунова, О.В. Дрозняк**
Механизм реализации кадровой политики в государственных учреждениях Луганской Народной Республики

55 **В.П. Воробьев, Р.Л. Илиев**
Политика и государство: две стороны одного явления

64 **И.А. Арсеньев**
Корпорации и права человека – новые проблемы и пути их решения

MGIMO UNIVERSITY

Journal of Law and Administration

№ 3 (52) 2019
Theoretical law journal

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD, EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN

E D I T O R I A L B O A R D:

Frachesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Program Manager of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Academic Director of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Director of Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Doctor **Dušan Pavlović** – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier André Timothy – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Candidate of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. In Political Science, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

COLUMN WRITER

3 **R.V. Yengibaryan**
Mass and uncontrolled immigration as a threat to the civil, legal and civilizational stability in Western European countries and Russia

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

10 **Teresa S. Encarnacion Tadem**
Re-defining governance to address socio-economic inequality in the Philippines

23 **Lyudmila N. Berg**
Synergy of legal impact

32 **Elena B. Zavyalova, Ekaterina I. Shumskaia, Alexandra I. Shumskaia**
Transactions in the digital age: blockchain technology and smart contracts

39 **Pavel P. Dobrotvorsky**
Legal development modelling in the context of global issues

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

47 **Valentin N. Goncharov, Victoriia N. Tisunova, Olga V. Drozniak**
Personnel policy implementation in the government institutions of the Lugansk People's Republic

55 **Valery P. Vorobiev, Roman L. Iliev**
Politics and State: Two Sides of the Same Phenomenon

64 **Igor A. Arsenyev**
Corporations and human rights - new challenges and solutions

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Law and Administration. The 21st Century" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Law and Administration. The 21st Century" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

Article

МАССОВО-БЕСКОНТРОЛЬНАЯ ИММИГРАЦИЯ - УГРОЗА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ

Роберт Енгибарян*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-3-9

Введение. *После распада, а скорее самоликвидации Советского Союза-СССР мировые события начали развиваться с калейдоскопической скоростью. Европа, Россия и США перестали быть центральными акторами мировой политики. Со все усиливающейся мощью в нее включились громадные страны-цивилизации Китай, Индия, Африканский континент. С агрессивными претензиями ко всему мировому сообществу, а особенно к странам христианской цивилизации начал выступать объединенный блок исламских стран. И самое главное и неожидаемое - народы, нации, сообщества повсеместно начали возвращаться к своим цивилизационным, религиозно-духовным корням.*

Материалы и методы. *При подготовке научной статьи использовались различные методы: сравнительного правоведения, системный, метод логического анализа и другие.*

Результаты исследования. *Попытка всемирной глобализации по социально-политическим критериям: «капитализм – социализм» - провалилась. Мировому сообществу, скорее его политико - экономической, интеллектуальной части, был дан четкий ориентир: всякие идеологии: коммунизм, фашизм, национализм, социализм со временем трансформируются, переливаются в различные реки и ручейки и фактически исчезают, но мировые религии и цивилизации остаются.*

Обсуждение и заключение. *Мир стихийно, естественным путем глобализировался с финансовыми, экономическими, политическими и технологическими измерениями, закладывая одновременно основу новых противоречий между странами различного социального, экономического уровня развития и различных цивилизаций. Чаще начали сталкиваться интересы цивилизаций, живущих в разных временных измерениях, например, как ислам, где на календаре сегодня 1441 г., и другие страны, которые уже второе десятилетие живут в XXI веке. Идеология мультикультурализма как в Западной Европе, так и в США оказалась нереализуемой в жизни, как и канувшая в Лету коммунистическая идеология.*

* **Енгибарян Роберт Вачаганович,** научный руководитель факультета управления и политики МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
e-mail: igu-mgimo@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2586-7578

Исследование

Замена двухполюсной модели мира США – СССР на однополярный мир во главе с доминирующими США, который за короткий срок превратился в мир многополярный, не принесла стабильности и спокойствия мировому сообществу. На место идеологических противоречий на передний план выдвинулись геополитические, экономические и цивилизационные противоречия.

Демографическая и связанная с ней миграционная проблема занимают сегодня центральное место в мировой политике и требуют неотложного решения, в противном случае через полвека мир изменит свою цивилизационную конфигурацию, а Западная Европа и значительная часть России по своему развитию скатятся до начала Средних веков.

Вследствие бесконтрольного демографического роста численность населения исламских и африканских стран Юго-Восточной Азии в среднем более чем в 4 раза увеличивается быстрее, чем население развитых и среднеразвитых стран. По сути, это главная чрезвычайная опасная проблема современности. Именно она, демографическая лавина разрушает мировую экологию и естественное развитие мирового сообщества. Красная черта невозврата на нормальные рельсы развития наступит уже через одно-два поколения… Чудовищный выброс такого количества голодных, не нашедших применения людей стал причиной их тектонического миграционного движения в сторону расхлябанной, переживающей глубокий общественный и моральный кризис Западной Европы. Другая часть этих людей объединилась в различные террористические организации, такие как ИГИЛ, «Аль-Каида» и др. Под напором огромных человеческих масс, находящихся абсолютно на другом цивилизационно-бытовом уровне, который в своем развитии отстает от европейского на много веков, либерально-деморализованная, беспечно-гедонистическая феминизированная Европа дрогнула, униженно пытаясь откупиться миллиардными выплатами от отвергнутой Евросоюзом Турции, через территорию которой шли бесконечные караваны, сегодня — жалких и голодных, а завтра — вскормленных европейскими субсидиями и вседозволенностью агрессивных разрушителей европейской культуры. Очень скоро выяснилось, что именно Турция, Саудовская Аравия, Катар и другие исламские государства — организаторы широкомасштабного плана реинкарнации (восстановления) великого халифата путем достижения количественного перевеса мусульман в Западной Европе.

Согласно идеологической доктрине исламского фундаментализма, проживание мусульманских народов в составе немусульманских государств (а в состав РФ входят семь «мусульманских» республик – Башкортостан, Татарстан, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня) *рассматривается как «результат оккупации», поэтому задача мусульман – борьба за независимость с целью последующего вхождения в состав «исламского единства – Халифата»* [См.: Хрусталев, 2004. С. 903].

Не напоминает ли это провозглашенную в свое время большевиками доктрину о создании мирового социализма, защиты любым путем мирового пролетариата и трудящихся, включая революции, вооруженную борьбу, создание революционных, коммунистических и народных партий, их широкое финансирование и инструктирование с помощью «прикомандированных» туда специалистов-коммунистов.

Что и говорить, история повторяется, принимая новые формы, окраску, идеологию и содержание. Очевидно одно – любая человеконенавистническая идеология, в основе которой лежат национализм (фашизм), социальная идеология (коммунизм) или религиозный фанатизм (фундаментальный ислам), обречена на провал. Но с учетом ряда факторов ислам и его радикальные течения могут стать исключительно опасными. Противостояние ислама христианству многогранно и включает в себя не только политико-экономический (бедные воюют против богатых), но и цивилизационно-религиозный и расовый аспекты. *Более того, это борьба двух фундаментально разных цивилизационно-бытовых культур разных географических широт, разных людских генотипов.* Ведь нельзя отрицать, что общества, живущие в совершенно разных условиях, вырабатывают свои специфические средства понимания мира и способы взаимодействия с ним [См.: Сергеев, 2004].

Ислам не уживается и борется со всеми мировыми цивилизациями в Китае (уйгуры), Азии (Пакистан-Кашмир - Индия), в Африке, в Европе и США. Но с истори-

ческой и геополитической точки зрения основная противостоящая исламу цивилизация включает в себя Европу и Россию, страны христианской культуры и ценностей, население которых относится к европеоидной расе, светские государства, в основе которых - одинаковое построение общества, равноправие полов, моногамный брак, единая бытовая культура, расселение на одних географических широтах.

Ислам представляет собой многорасовый конгломерат, объединяющий европеоидную, монголоидную и негроидную расы вокруг религиозного фактора, тогда как в странах христианской и других культур безусловный приоритет в самоидентификации нации-народа, страны и личности определяется национально-территориальными признаками. В цивилизационном противостоянии с христианскими и с другими инокультурными странами ислам за редким исключением представлен теократическими государствами. Страны, которые себя объявляют светскими, такие как Турция, Азербайджан, Албания, Туркменистан, Узбекистан по международным стандартам далеки от этого статуса, так как духовенство и религия в общественно-политической жизни этих стран сохраняют исключительно большое влияние[1]. Следовательно, линия противостояния и в межгосударственных отношениях проходит между светскими и теократическими или, в отдельных случаях, «полутеократическими» государствами. Наконец, такой резкий конфликт культур идет и по линии человеческого измерения с учетом факторов образованности населения, равенства полов, демократических прав и свобод граждан, бытовой культуры, геополитической линии «юг-север» и многих других.

* * *

Конец прошлого и начало нового века ознаменовались дальнейшей радикализацией либеральной идеологии, провозглашающей приоритет прав индивида и любых меньшинств над общим и общественным. Первоначально гуманитарно-правозащитная идея, выдвинутая Западом для борьбы с социалистическими странами, в своем радикализированном варианте быстро расшатала административный порядок и устои власти. Эту идеологию особо широко и в крайних своих формах взяли на вооружение феминистические, ЛГБТ и другие подобного рода организации.

Серьезным вызовом демократическим началам организации современных обществ и государств является деградация основополагающего демократического принципа всеобщности выборов. Первоначально рассчитанный на применение в мононациональных, монокультурных (моноконфессиональных) обществах Европы принцип всеобщности выборов скоро утратил свою политико-социальную, национальную направленность и серьезно деградировал вследствие последующей трансформации таких обществ в мультикультурные, мультирасовые и мультиконфессиональные. Многие современные государства сегодня представляют собой сложный организм противоречивых интересов многослойных по национальному, расовому, конфессиональному и гендерному признакам обществ, в которых в том числе и по этим причинам в процессе общей либерализации усиливаются тенденции децентрализации и обособления. К сожалению, провозглашенный и закрепленный в конституциях всех современных государств наднациональный, надрасовый, надконфессиональный принцип их организации дает самый серьезный сбой именно во время всеобщих выборов. В таких условиях только кандидат-либерал, полностью отрицающий свою национально-культурную идентификацию, гендерные и сексуальные предпочтения, сможет получить голоса разноликих избирателей при условии поддержки также преимущественно либеральной ангажированной прессы. Наглядным примером служат выборы 45-го президента США, против которого почти поголовно голосовали все феминистские, ЛГБТ, исламские организации, а также 92% чернокожих избирателей. Образованность, респектабельность, приверженность традиционным устоям семьи и морали и, наконец, принадлежность к христианской религии, белый цвет кожи и мужественность не в почете у массового избирателя, среди которых наблюдается

[1] На сегодня 27 государств мира – Алжир, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Джибути, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Коморские острова, Кувейт, Ливия, Мавритания, Малайзия, Марокко, Мальдивы, Оман, Объединенные Арабские Эмираты Пакистан, Саудовская Аравия, Сомали, Тунис, Палестинская национальная администрация, - признают за исламом и его нормами главенствующую роль в регулировании отношений в обществе.

стремительный рост числа вчерашних иммигрантов неевропейского происхождения, расовых и сексуальных меньшинств (именно по этим причинам и получивших гражданство), людей, поколениями не работающих, находящихся в андеграунде, пользующихся различными социальными субсидиями. Более того, все вышеперечисленные признаки вызывают у таких избирателей активную неприязнь. Раскол современных обществ именно по этим, особенно культурно-цивилизационным и расово-конфессиональным признакам, растет. Более того, при нынешних тенденциях развития стран Запада и России нет никаких предпосылок для устранения такого раскола. Остановить саморазрушение западных обществ и России возможно только путем проведения ряда жестких политико-правовых мер.

А. Приостановить массовую бесконтрольную миграцию из исламских и африканских стран, принимать усиленные меры для интеграции и трудоустройства, фактически нелегально находящихся в странах Европы нескольких миллионов мигрантов, замешанных в криминале и больше года не работающих, депортировать в страны, откуда они прибыли.

Б. Всеобщие выборы в ряде западных стран, в том числе США, все больше выходят из правового контроля и приобретают черты охлократии. Интересно, что об этом еще в свое время писали Макс Вебер, Ортега-и-Гассет и другие мыслители начала XX века. Манипулировать процессом всеобщих выборов при катастрофически растущей численности избирателей, при сегодняшних информационно-технологических возможностях становится все больше доступным. Поэтому необходимо возвратиться к многоступенчатой системе всеобщих выборов, предоставить это право только работающим не менее трех лет на одном и том же месте и регулярно выплачивающим налоги лицам.

Следует также повысить до 23 лет возрастной порог для участия в выборах, что также определенно уменьшит число участников этого процесса и сделает более предсказуемым его результат [См.: Енгибарян, 2016. С. 84-87].

* * *

Национальность и гражданство играют важнейшую роль на протяжении всей жизни человека. Это те базовые категории, на которых строятся все остальные гражданские, социальные и политические права. Прежде всего стоит выяснить, какой смысл вкладывается в понятия «национальность» и «гражданство». В большинстве современных государств эти слова уже почти синонимы, в то время как фактически конкретный человек по своей национальности может отличаться от этнического большинства, принадлежать к иной расе и исповедовать иную религию.

На политической карте мира сегодня немало социально-экономически неразвитых, культурно-цивилизационно отсталых, фактически несостоявшихся как суверенные, самостоятельные политические образования государств. Это, как правило, бывшие колонии или подмандатные территории, которые в послевоенные 50-е – 60-е годы на волне общей демократизации и отмены колониализма получили государственную независимость. Многие из них сохранили племенно – патриархальную структуру, еще не идентифицировались как нации и цивилизации. Поспешность бывших колониальных держав (Великобритании, Франции, Португалии, Испании и т.д.) предоставить им без необходимых социально-экономических, политических предпосылок самостоятельность принесла им только войны, голод, геноцид и бесконечные несчастья. Естественно десятки миллионов голодных и обездоленных людей выбрали единственный путь – иммиграцию и в основном в Европу, из Латинской Америки в США и Канаду, из Азии в Австралию и Новую Зеландию. И этот процесс продолжается и ныне. Однако США, Европа и другие принимать иммигрантов в таком количестве уже не в состоянии. Процесс мировой глобализации, как с восторгом провозгласили малокомпетентные, пришедшие к власти новые либералы и феминистки, приостановился.

Большинство стран с развитой экономикой, работающей демократией, действенной правовой системой — например, США, Великобритания, Франция, Германия — обеспечивают своим гражданам высокий уровень жизни и потому притягательны для иммигрантов из самых разных уголков земли. Отсюда их полиэтнический характер с постепенно уменьшающейся долей титульной нации и этноса. Такие страны, как Россия, Италия, Испания, Великобритания, исторически складывались как многонациональные государства с одним доминирующим этносом: в России это русские, в Испании — кастильцы, в Вели-

кобритании — англичане. Если в XVIII—XIX вв. и до середины XX в. в значительной части мира шло строительство национальных государств, то уже с середины XX в., особенно после окончания Второй мировой войны, большинство стран в Европе (а США еще раньше) стали наднациональными. Это означает, что приоритетным является не гражданство, а этническая или религиозная принадлежность. Идет необратимый процесс смешения культур, рас и народов. И как показывают многолетние наблюдения, положительный результат этот процесс дает тогда, когда соблюдается определенная пропорция коренных жителей и иммигрантов. Если массово обосновавшиеся в Америке или в Австралии европейцы со временем создали высокоразвитые государства, то сегодняшний массовый наплыв мигрантов из Азии и Африки, наоборот, при нарушенной пропорции может процесс развития европейцев и прочих вернуть в обратное русло. Вне зависимости от своих этнических корней гражданин того или иного государства находится в его полной юрисдикции вне зависимости от своего местонахождения в конкретный момент времени. И, наоборот, у человека, имеющего гражданство не страны своего происхождения, а другого государства, подобных правовых обязательств по отношению к этнической родине не возникает. Более того, в случае столкновения интересов этих двух стран человек обязан выполнять свой долг перед гражданской родиной, в противном случае он ответит перед законом.

В многонациональных странах вопрос своей этнической идентификации, религиозных и политических предпочтений решает сам индивид, неся полную юридическую ответственность перед государством, гражданином которого он является. Основной закон страны предоставляет ему абсолютно такой же объем прав, как и всем остальным гражданам. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры того, как человек, отличающийся по этническим и даже расовым признакам от титульной нации, становится политическим лидером своей гражданской родины: Барак Хусейн Обама[2], Николя Саркози и др. Но это скорее характерно для стран с высоким уровнем развития демократии и политических институтов. В развивающихся демократиях неприязнь значительной части населения к лицам, не принадлежащим к титульной нации, делает невозможным полное равноправие граждан во всех аспектах социально-политической жизни.

Отмечу, что фактор религиозной принадлежности более глубоко затрагивает сущность человека (даже неверующего), чем его национальность. Попробуем ответить на такой теоретический вопрос: возможно ли, чтобы завтра во главе Франции или США встал нехристианин, даже если он заявит о своей нерелигиозности и светскости? Можно смело предположить, что этот фактор вообще оттолкнет от него избирателей. Уверен, что если бы Барак Обама не объявил себя верующим христианином, то каким бы талантом политического шоумена он ни обладал, он вряд ли смог бы набрать больше 3% голосов избирателей (как раз эти 3% составляет доля мусульман в населении США). Из всех американских президентов лишь один не принадлежал к протестантскому направлению христианства — Джон Кеннеди. Не было среди президентов США ни одного еврея, несмотря на их значительное количество (6 млн.) и политическую активность, а также ни одного человека какой-либо иной религиозной принадлежности. В политической теории немалый интерес представляет вопрос о том, как определяется национальность. Ответов много. Сгруппируем их следующим образом: во-первых, если человек является носителем культуры и языка конкретной национальности; во-вторых, если он разделяет судьбу этой нации или народа. То есть этот вопрос индивид вне зависимости от места своего пребывания решает лично. Национальная самоидентификация — результат цивилизационных запросов и ментальности конкретного человека.

[2] Как потом оказалось, это была огромная ошибка американской политической элиты, так как именно в его бытность в качестве президента США вся его деятельность была направлена на расшатывание устоев американского общества и государства. Идеология глобализма, оправдывающая фактически открытые границы США с Мексикой и Африкой, но не с европейскими странами, политика иждивенчества для неимущих (90% чернокожих) за счет более благополучных слоев общества привели к обострению межконфессиональных и межрасовых отношений, могущих взорвать страну. Его президентский срок закончился неутешительными результатами как в экономике, так и в международных отношениях, а 40-миллионное население афроамериканцев в едином порыве требует пожизненную ренту за прежние «злодеяния» белых.

Значительно более сложная проблема возникает, если этническая родина и гражданская родина относятся к различным ареалам цивилизации — скажем, христианству, исламу, иудаизму или буддизму. Христиане в христианской среде растворяются быстро, особенно если страна пребывания по культурно-экономическим параметрам выше, чем та, откуда прибыл индивид. Одно-два поколения — и человек уже мыслит на языке своей новой родины и живет ее интересами и культурными запросами.

Таким образом, можно констатировать, что главным тормозом для глобализационных процессов, поглощения или ассимиляции большими социумами малых является именно религиозно-цивилизационное, а не этническое различие.

Радикальная смена религии - например, ислама на христианство или наоборот - это нечто большее, чем смена национальности. Происходит пересмотр всех жизненных ценностей, переосмысление своего места не только в социальной среде, но и в жизни вообще.

Суть, каркас, стержень любого человека - образ мышления, представление о себе как о личности. Здесь главным критерием является личностная свобода, бесконечная и безграничная для души, но строго регламентированная законом. Это значит, что гражданин цивилизованной страны обязан подчиняться только праву, только легитимно принятому закону вне зависимости от мировоззренческих критериев, религиозных и политических предпочтений. Любые религиозные предписания, особенно когда они, как в исламе, носят строго обязательный характер с возможностью наказания (вплоть до смертной казни) за вероотступничество, для меня абсолютно неприемлемы.

Накладывает ли национальность свой отпечаток на характер и поведение индивида? Несомненно. Национальность — это не только место рождения, но и особый генетический код, специфическая субкультура, с большей или меньшей очевидностью отличающая своего носителя от представителей других национальностей. Все эти факторы влияют на характер, образ мышления, импульсивность и даже внешность человека.

Кто возьмется утверждать, что русский, украинец, грузин, белорус или грек (все они относятся к православной ветви христианства) ничем не отличаются друг от друга, что это общая людская масса, живущая по одинаковым правилам? Тема, конечно, непростая, чрезвычайно скользкая, опасная в своей ложной интерпретации, и здесь не могут существовать твердые границы, но утверждать, что не вижу никаких отличий между белорусами и украинцами, между поляками и немцами, между грузинами и греками, было бы ошибочно. Конечно, у русских, украинцев или белорусов есть свои отличительные черты, свои доминанты характера и менталитета, свои особенности в поведении, и таких различий немало. Но вне зависимости от того, на южных или северных широтах живут эти и другие христианские народы, различия далеко не столь принципиальны, как те, что отделяют их от народов, исповедующих ислам. Сможет ли современный мир со своими жесткими экономическими законами, глобальными валютно-финансовой и телекоммуникационной системами сблизить эти непохожие цивилизации, принудив их к сотрудничеству и сосуществованию без глобальных конфликтов? Полагаю, что альтернативы не существует. Остается надеяться, что этот процесс надолго не затянется - максимум на 50 - 100 лет, - если, скажем, демографическая агрессия и связанная с ней безудержная миграция перестанут угрожать нормальной жизнедеятельности христианского мира.

Реальность нашей сегодняшней жизни такова, что каждый поддерживает деловые или дружеские отношения, предпочитая людей с аналогичными культурно-цивилизационными критериями, без учета национальной принадлежности того или иного человека. Цивилизационный приоритет очевиден даже в межгосударственных отношениях, что многократно отмечалось в современной политико-правовой литературе [См.: Хантингтон, 2006; Енгибарян, 2016].

Литература:

1. Енгибарян Р.В. XXI век: исламский вызов - XXI century: Islamic Challenge. М., 2016.

2. Сергеев В.М. Взаимодействие цивилизаций и культур в современном мире: старые проблемы, новые вызовы // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. академика РАН А.В. Торкунова. М., 2004.
3. Хрусталев М.А. Политика России на Ближнем и Среднем Востоке // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. академика РАН А.В. Торкунова. М., 2004.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

MASS AND UNCONTROLLED IMMIGRATION AS A THREAT TO THE CIVIL, LEGAL AND CIVILIZATIONAL STABILITY IN WESTERN EUROPEAN COUNTRIES AND RUSSIA

Introduction. *Following the collapse, or rather self-liquidation, of the Soviet Union-USSR world events began to develop at a kaleidoscopic speed. Europe, Russia and the United States ceased to be central actors in global politics. Huge civilization countries such as China, India and the African continent broke into global politics with ever-increasing power. The united bloc of Islamic countries began to make aggressive claims to the entire world community, and especially to the countries of Christian civilization. And the most important and unexpected thing is that the peoples, nations, communities everywhere began to return to their civilizational, religious and spiritual roots.*

Materials and methods. *Various methods such as comparative law, systemic, logical analysis and other methods were used in writing this article.*

The results of the study. *The attempt to globalize the world by the socio-political criterion "capitalism - socialism" failed. The world community, or rather its political, economic and intellectual elite, was given a clear message: ideologies of all kinds - communism, fascism, nationalism, socialism - eventually undergo transformation, split into sub streams and practically disappear, but the world religions and civilizations remain.*

Discussion and conclusion. *The world globalized spontaneously and naturally, with financial, economic, political and technological dimensions playing the major role. At the same time globalization laid the foundation of new contradictions among countries that enjoy different social, economic levels of development and belong to various civilizations. Moreover, the interests of civilizations living in different time dimensions began to clash, like Islam that lives in 1441 and other countries that have been living in the 21st century for the second decade. The ideology of multiculturalism both in Western Europe and in the USA turned out to be unrealizable in practice, just like the communist ideology that has sunk into oblivion.*

Robert V. Yengibaryan,
Doctor of Law, Full Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Academic research supervisor of the School of Governance and Politics, MGIMO University under the MFA of Russsia.

Ключевые слова:
глобализация, различные цивилизации, мультикультурализм, идеология, социализм, капитализм.

Keywords:
globalization, various civilizations, multiculturalism, ideology, socialism, capitalism.

References:

1. Engibaryan R.V., 2016. XXI vek: islamskii vyzov - XXI century: Islamic Challenge. Moscow.
2. Sergeev V.M., 2004. Vzaimodeistvie civilizacii i kultur v sovremennom mire: starye problemy, novye vyzovy [Interaction of civilizations and cultures in the modern world: age-old problems and new challenges]. *Sovremennye mejdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [The modern international relations and world politics]. Ed. by A.V. Torkunov.* Moscow.
3. Hrustalev M.A., 2004. Politika Rossii na Blijnem i Srednem Vostoke [Russian policy in the Middle East]. *Sovremennye mejdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [The modern international relations and world politics]. Ed. by A.V. Torkunov.* Moscow.
4. Hantington S., 2006. Stolknovenie civilizacii [Clash of civilizations]. Moscow.

Article

RE-DEFINING GOVERNANCE TO ADDRESS SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN THE PHILIPPINES[1]

Teresa S. Encarnacion Tadem*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-10-22

Introduction. *The article is devoted to political and socio-economic processes in the Philippines in the context of re-defining and re-understanding of the "Good Governance" concept.*

The term "good governance" in the Philippines is generally defined politically. As noted by the University of the Philippines Diliman National College of Public Administration and Governance (UP NCPAG), "good governance" is mainly concerned with improving the quality of government (QOG) which it perceives plays a key role in reclaiming democratic space. Thus, the main thrust is "to address the issues of anti-corruption, ethical public service service, efficient and effective delivery of public services by concerned Philippine institutions" (Forum Concept of the CLCD2018).

Material and methods. *To address meaningful governance for UP NCPAG therefore is to assess the country's democratic institutions. This all leads to the major aims to assess the country's democratic institutions and whether democracy has led to meaningful governance reforms in the Philippine context. This definition of governance has generally characterized the assessment of the post-martial law administrations of Corazon C. Aquino (1986-1992), Fidel V. Ramos (1992-1998), Joseph E. Estrada (1998-2001), Gloria Macapagal-Arroyo (2001-2010), Benigno S. Aquino (2010-2016) and Rodrigo R. Duterte (2016- present).*

Results. *Although political reforms to strengthen the quality of government is indeed pertinent, this paper will, however, argue that these political reforms will only have a substantive impact on the democratization process in the country if it is coupled with policy reforms which address the growing socio-economic inequalities in Philippine society. In particular, there is a need for socio-economic policies which will address redistribution. Without this, not only will the economic but also the political gap between the rich and the poor remain wide, but it will also make the implementation of political reforms close to impossible.*

Discussion and Conclusions. *The first part of this paper will, therefore, define how the term "governance" has generally been applied to the Philippines. It will elucidate how its definition has been generally limited to the political sphere and why there is a need to expand on this to include the socio-economic domain. It will highlight this concern in the post-martial law administrations. The second part, on the other hand, will elaborate on this issue in the current Duterte administration.*

* **Teresa S. Encarnacion Tadem,** Ph.D., Professor of Political Science, College of Social Sciences and Philosophy, Executive Director, Center for Integrative and Development Studies, University of the Philippines Diliman.
e-mail: teresatadem@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0397-2932

[1] Paper presented at the International Political Science Association (IPSA) Joint Coloquim of Research Committees 14, 28, 50 and 13 "Diversity and Democratic Governance: Legacies of the Past, Present Challenges and Future Directions?" University of Sarajevo, Bosnia-Herzegovina, 12-15 June 2018.

Introduction

The political definition of governance is generally derived from its association with government's primary role. There is thus the need to strengthen government institutions to make these effective instruments in implementing political and socio-economic policies. The major concern in developing societies, like the Philippines, is the issue of corruption which impedes the efficient fulfillment of government programs.

"Governance, however, is also a broader term than govenrment", whereby government is seen as only one of the institutions involved in governance. It is therefore possible to have "governance wtihout government" [16. P. 74]. Furthermore, the wider use of the term "reflects the blurring of the state/society distinction, resulting from changes such as the development of new forms of public management and the growth of public-private partnerships" [16. P. 74]. The involvement of the private sector through partnership with the state is understandable given the growing complexities of society whereby the state cannot do it alone. This definition however sees the state as class "neutral" and for private partnerships, it assumes a level playing field.

Governance and the neo-liberal development paradigm. For advocates of the neo-liberal development paradigm, the term governance is compatible with what it is advocating for, that is, development which emphasizes on the role of the market, liberalization and/or free trade, deregulation, and privatization. Thus, for the business community, the major concern is "economic governance" which like "political governance" is concerned with levelling the playing field and strengthening institutions for the efficient and unimpeded implementation of economic policies. It is also generally concerned with regulating competition among members of the business community. The major role of the state is thus regulatory. The mantra therefore is lesser government and more private sector.

A basic limitation of these perspectives of governance is the assumption that everyone can participate if the rules are followed and implemented. But even if this is the case, not everyone can join because only those with the means can do so. In other words, in societies like the Philippines, which is marred by wide socio-economic inequalities, only a few can partake in society's political and economic activities. There is a need therefore to widen the definition of governance to include the socio-economic policies which are redistributive and empowering and which thus also address the problems of the basic sectors. This is not only in terms of how growth will be distributed across class but also along sectors, for instance women and the indigenous peoples. In other words, political reforms will only be mere palliatives or bandaid solutions to consolidating democracy in the country if it is not coupled with socio-economic policies which will address growing class discrepancies. However, one of the most important political tendencies of our time is a certain strengthening of authoritarian elements in the political regimes of the world [47. P. 98]. This trend is not global so far, but it is important to understand how local specificity affects the processes of democratization.

Bad governance and exclusive growth. The argument for good governance as the panacea to addressing poverty was illuminated during the martial law period, whereby the Philippines was the basketcase of the Southeast Asian region. This was, however, not blamed on the economic policies which were perpetuated by the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank but on the corruption of the Marcos dictatorship. Thus, there was no economic growth to address the country's poverty and underdevelopment. Fast-forward to the post-martial law period, and one would see that the country continually enjoys a high economic growth rate, as high as 6% to 7%. "In 2017, the Philippines' 6.7 percent full-year GDP growth remains one of the fastest in the region, after China's 6.9 percent and Vietnam's 6.8 percent" [30]. This was validated by the World Bank in its June "Global Economic Prospects 2020" report which stated that the Philippines "will remain as one of the fastest-growing countries in East Asia" at 6.6 per cent [23]. But there is still massive poverty and the further widening gap between the rich and the poor. Furthermore, there is still unabated rampant corruption.

Such a growth is also attributed not mainly to neo-liberal economic policies but to Overseas Filipino Workers or OFW remittances which, according to the Bangko Sentral ng Pilipinas, (Central Bank of the Philippines) in 2017 totalled to USD28 billion [10]. As of July 2018, OFW remittances totalled to USD2.7 billion. This is "higher by 4.5 percent compared to the level posted in the same month in 2017" [19].

Deprived of job opportunities in the country which can afford them a decent living, OFWs are forced to go abroad to seek greener pastures. This is because the high economic growth in the country is also jobless growth. Joblessness is mainly found in the agriculture and manufacturing, sectors where one finds the

vast majority of unemployed Filipino people. Instead, the country has the growth of the service sector in the form of the business process outsourcing (BPO) companies, which mainly consist of call centers; hotels and malls, as well as property development, catering generally to the needs of the upper- and middle-classes of the Philippines. The popular usage of good governance does not address this concern.

Without addressing socio-economic inequalities, political reforms in the country will fall short of addressing the power structure which currently defines Philippine society. "There is no checks and balance and does not bring forth a competitive environment. In other words, society is no longer democratic" [43]. The argument therefore is good governance is impossible if socio-economic inequality is not adequately addressed.

The reality of the socio-economic inequalities which exists in Philippine society today is further mirrored in the latest 2017 Forbes Richest Filipino survey, which showed that:

The top 50 richest Filipinos in 2016, have a total wealth of USD304.8 billion. This is approximately 25% of the country's GDP. The top 10 richest Filipinos already constitute 17% of the GDP of $53 billion. This is in stark contrast to 24% of the Filipino people who are rated below the poverty line according to a 2017 Social Weather Station survey. Moreover, 50% of the according to this SWS survey 50% of the Filipino people rated themselves poor [5].

Furthermore, the Wealth Report by Rick Santos head of the global consultancy firm Knight Franck, stated that there will be more "ultrarich" people in the Philippines, "growing at a rate considered the second highest inthe world, these are people "with at least $50 million (P2.6 billion) in net assets." Calling them ultra high net worth individuals (UHNWIs), the Wealth Report 2018 stated that there will be 570 UHNWIs in 2022 an 84% increase from the 310 UHNWIs in 2017. Their wealth is attributed mainly from the real estate industry and strong macroeconomic fundamentals" [5].

The global trend in socio-economic inequalites. This Philippine reality is also mirrored globally. Last month, the UN Conference on Trade and Development Agency (UNCTAD) said the world must ditch austerity and economic neoliberalism and undertake a global "New Deal" to rebalance the global economy and achieve prosperity for all [42]. Such a call is given more credence by a paper in May of 2016 by senior economists at the IMF which pointed out that "some neoliberal policies had increased inequality and were now jeopardizing durable global growth". Coming from the IMF, this call is ironic given that for 40 years, thisi nternational financial institution (IFI) "has driven economic liberalization of global economies" [42]. This brings forth the issue of global economic governance. The triumvirate which has dictated the global development trend and which has impinged on local economies are the IMF, the World Bank (WB), and the World Trade Organization (WTO).

Unlike the IMF and the WB, which were established in the 1940s, the WTO was founded in 1985. The IMF "was set up to oversee the global rules governing money in general and, in particular, to maintain currency stability through a system of fixed exchange rates." Since 1971, the IMF has embraced a neoliberal economic model, and requires countries to carry out stringent market-based reforms as a condition for receiving assistance" [16. P. 421].

Its partner in pushing forth this development paradigm is the World Bank, (formerly the International Bank for Reconstruction and Development) which was "designed to reduce the element of risk in foreign lending, thereby underpinning economic stability" [16.P. 421]. Since the 1980s, the Bank has geared its lending to 'structural adjustment', the reorientation of economies around market principles and their integration into the global economy" [16. P. 421]. And lastly, the WTO replaced the General Agreement on Trade and Tariff (GATT). Created by the Uruguay round of negotiations (1986-95), the WTO has wider and stronger powers than those of the GATT. "The WTO's mission is to 'liberalize' the world trade and create an 'open' global trading system" [16. P. 421].

For the IMF and the WB, their development mantra is to see economic growth in developing societies like the Philippines, but it is not concerned with addressing socio-economic inequalities within societies. This is the same for the WTO which mainly looks at itself as the gatekeeper of global governance, i.e., trading rules are followed and implemented by the member countries. It is not concerned with whether the effect of these trading rules are redistributive among and within countries.

The result of this type of economic governance has been dismal. As noted, "Four out of every five dollars of wealth generated in 2017 ended up in the pockets of the richest 1 percent,while the poorest half of humanity got nothing," [42]. Furthermore, "Oxfam found that 3.7 billion people, who make up the poorest half of the world, saw no increase in their wealth in 2017, while 82% of the wealth generated last year went to the richest 1 percent of the

global population. The few at the top get richer and richer and the millions of the bottom are trapped in poverty wages" [42].

This global trend in socio-economic inequalities was further exemplifed by the Oxfam report, titled "Reward Work, not Wealth," which used data from Credit Suisse to compare the returns of top executives and shareholders to that of ordinary wokers. "The report found that chief executives of the top five global fashion brands made in just four days what garment workers in Bangladesh earned over a lifetime" [42]. It also noted that "the number of billionaires rose at a rate of every two days between March 2016 and March 2017, while in the United States the three richest people owned the same wealth as the poorest half of the population" [42].

Results

The Post-Martial Law Period and the Limitations of "Good Governance"

The underpinnings of these current local and global realities have manifested themselves during the post-martial law period (1986 to the present) whereby socio-economic policies have not addressed socio-economic inequalities making "good governance" possible. This can be seen in the experiences of the post-martial law administations.

Restoring Democracy Without Economic Redistribution: Corazon Aquino Administration (1986-1992)

Although the term "good governance" was not yet popularly used during the 1986 People Power Revolution, an important message concerning the overthrow of the Marcos dictatorship was that dictatorships are synonymous with corruption. And with corruption, one cannot attain the economic growth neededfor development. What further aggravated the situation was the repression during the martial law period of any form of opposition. All these spelled for "bad governance".

Thus, the problem was political, that is, the leadership. The Corazon Aquino administration, therefore, pursued the same neo-liberal economic policies, as espoused by the IMF/ World Bank, which were pursued by the Marcos dictatorship. There was, however, the hope that socio-economic inequalities would be addressed as President Aquino bannered her Comprehensive Agrarian Reform Program (CARP), as the cornerstone of her administration. CARP, however, was a very much watered down law. It also did not help that Aquino's cabinet "came from the conservative ruling class consisting of big-business class, political clans and landowning elites" [40. P. 47]. The CARP even allowed Aquino's very own Cojuangco family's *Hacienda Luisita* to be exempted.

Although democracy and political instability were restored under her administration albeit the eight attempted coup d'etats, the Filipino people did not seem to fully appreciate this as seen in the 1992 elections whereby Aquino's presidential candidate, Fidel V. Ramos, only received around 24% of the electoral votes. Ramos only won by a slim margin of a little just over 2% against his closest presidential candidate Miriam Defensor-Santiago. In other words, the assumed positive change of political leadership and regime did not seem to impact on the vast majority of the Filipino people.

The Era of Globalization and High Economic Growth Rate: The Ramos Administration (1992-1998)

The presidency of Fidel V. Ramos from 1992-1998 came at a time when the Asian region was booming by the early 1990s overcoming the crises of the 1980s. This yielded an unprecedented 7% economic growth rate in the Philippines. This was also attributed to Ramos' pursuit of a liberalization program which led to the privatization of profitable government enterprises and basic services such as water and electricity. He also dismantled the Aquino'a maternal family, the Cojuangco's monopoly of the Philippine Long-Distance Telephone Company (PLDT) and opened up the telecommunications industry".

Liberalization was, however, criticized, for failing to resolve a fundamental problem – the growing gap between a small, wealthy elite and the majority poor, both within the Philippines and internationally. The growing severity of public criticism against globalization compelled governments like that of the Philippines to commit themselves to resolving the imbalance and confronting its many consequences, the foremostst of which was the continuing widespread poverty.

Ramos, threfore, launched his Social Reform Agenda (SRA) as the anti-poverty program aimed at addressing socio-economic inequity. The latter part of Ramos' presidential term also brought forth the question of the sustainability of such economic growth in light of the 1997 Asian financial crisis. The neo-liberal policies of liberalization and deregulation made the Asian economies vulnerable to external factors.

As for the privatization efforts, a major tenet of the neoliberal develoment mantra, despite the privatization of the energy sector, the Philippines continues to have the highest

electricity rates in Southeast Asia. Moreover, in the telecommunications industry, one has witnessed the emergence of a duopoly between GLOBE and SMART/PLDT telecommunications company. The country, also continues to suffer from the slowest internet service in the region. As noted, "Filipinos still lagged behind most regional neighbors and the global average in terms of internet speed [4].

Addressing the Class Issue: The Estrada Administration (1998-2001)

High growth rates without socio-economic redistribution led to the demise of Ramos' presidential candidate Jose de Venecia to Joseph "Erap" Estrada "who won the presidency by the largest margin of victory in postwar history on a populist platform depicting him as a friend of the masses". Estrada's "Erap para sa Mahihirap" (Erap for the poor) touched a chord among Filipinos living below the poverty line". This was despite the fact that the Catholic Church openly campagined against voting for a presidential candidate who was an "alcoholic, gambler and womanizer" in other words, all the ingredients for "bad governance." But the majority of the population could not care as their major concern, was the economic and not the political.

Estrada's economic managers, however, generally pursued the same neo-liberal development paradigm. Despite his popularity, exposés of corruption and crony capitalism led to his impeachment by Congress and ouster in a popular uprising dubbed as People Power 2 or EDSA II. This prompted his followers and members of the lower classes to come out in protest and attempt to stage a People Power III or EDSA 3 to restore Estrada back to power. The class divide was mirrored in EDSA 2 and EDSA 3 where the former was viewed as a middle-class uprising as in the 1986 People Power Revolution, while the latter was viewed as the protest of the masses. This prompted former President Corazon Aquino to say in a speech she delivered before the business community in the aftermath of the overthrow of Estrada that the EDSA III revolt is a "testament to the failure of the Philippine elite to share their wealth with the poor" [39. P. 147].

The Paradox of Massive Corruption and High Growth Rates: The Arroyo Administration: 2001-2010

The ascendance of Arroyo to the presidency was controversial because of the manner in which she came into power via a People Power revolt against a constitutionally elected president. Her legitimacy was further questioned three years later when she was perceived to have cheated in the 2004 presidential elections over her closest rival, the actor Fernando "FPJ" Poe Jr., a very close friend of Estrada. This therefore brought forth a crisis of leadership "whereby 8 out of 10 Filipinos wanted Arroyo out of Malacanang even before she completed her six-year term" [39. P. 147]. Issues of corruption involving the First Gentleman Mike Arroyo and his cronies led to the mass resignation of ten of her technocrats, that is, 7 Cabinet Secretaries and 3 Bureau Directors. This was the first ever in Philippine history [7].

Despite corruption scandals, the Philippines experienced high growth rates during President Arroyo's term. This however did not address the persistent wide gap between the rich and the poor. As a Social Weather Station (SWS) survey revealed, over-all hunger remained at a record-high 19 percent in November 2006. Moreover, more "than one in every two adult Filipinos (54 percent) felt that their quality of life is worse than their situation.... The National Economic Development Agency (NEDA) acknowledged that economic benefits have yet to reach the poor" [39. P. 151].

"Daang Matuwid" and Socio-Economic Inequality Amidst High Growth Rates: Benigno B.S. Aquino Administration (2010 to 2016)

The presidential candidacy of Benigno Aquino came at a time when his mother passed away in December 2009. As a democracy icon, she brought back memories again of why people came out in People Power I against corruption. This resonated with the electorate as surveys showed that the public saw President Arroyo as more corrupt than the dictator Marcos. Aquino won 42.08% of the votes in the 2010 presidential race. His stiffest opponent was Estrada, who got 26.20%. Arroyo's presidential candidate, Gilbert Teodoro, a cousin of Aquino, was a cellar dweller. This was a testimony that the public did not like the corruption under Arroyo's administration. This was despite the high growth rates, but as with the pattern before of no socio-economic redistribution. The Aquino administration thus got off on a good start. Politically, the president was popular, even getting as high as a 60% positive popularity rating in the first quarter of his presidency.

Economically the country was also doing well as seen two years later when "the World Economic Forum (WEF) released on September 5, its global competitiveness report which showed that the Philippines leaped by 10 notches to the 65th spot among 144 countries surveyed" [37. P. 117]. This ranking put the Philippines at the upper half of surveyed countries for the first time.

But already in the first half of Aquino's term as president, there were already warning bells that the administration's economic policies should not only bring about growth but also address the redistributive aspects of development. During the last quarter of the Aquino administration, a survey was done on June 24-27 which found that "15.2 percent of 1,200 respondents nationwide said that they suffered from involuntary hunger at least once in the last three months" [17]. "The latest figure was up from 13.7 percent in April 2017 during which 3.1 million families suffered from involuntary hunger" [17]. As with the previous post-martial law administrations, the Aquino administration was marked with high but exclusive growth rates.

The Lower-Class and the Duterte Administration's (2016 – present) Drug War and Neoliberal Policies

The result of this was the overwhelming support for the 2016 presidential candidacy of Rodrigo Duterte who won the presidential elections with a 6.62 million lead over the Aquino administration-backed runner-up, Manuel "Mar" Roxas [18]. Banking on his reputation as the Davao mayor who made the province safe and livable, foremost by getting rid of drugs, Duterte campaigned on the issue of good governance, that is, the fight against corruption and drugs. His campaign, however, also touched on the issue of the need for inclusive growth. That is, how Mindanao, which is the richest region in the Philippines is also the poorest economically with the poorest provinces being in the Autonomous Region of Muslim Mindanao or ARMM areas. This resounded well not only with the Mindanawans, both rich and poor, but also in the Visayas, a region which also speaks Bisaya, the same language as the Mindanawans and Duterte. The fight thus was against "Imperial Manila." Much, however, still remains to be seen if President Duterte is able to fulfill his campaign promise of a drug-free and corruption-free Philippine society and to address the poverty and socio-economic inequalities in Mindanao and the Visayas.

Duterte also initially appointed Cabinet secretaries which spanned the ideological spectrum of Philippine society. He appointed economic managers who espoused the neo-liberal policies of their predecessors which stressed privatization, deregulation, and market liberalization. This was most welcomed by both the local and foreign business commuities. These economic managers headed mainly the Secretaries of Finance (DoF), Trade and Industry (DTI), Budget and Management (DBM) and the National Economic Development Authority (NEDA). This was most welcomed by both local and foreign business communities. For the lower classes, the appointment of key personalities identified with the Philippine Left, including the Communist Party of the Philippines (CPP) such as Rafael Mariano, a peasant leader, Judy Taguiwalo, a University of the Philippines Professor, and Liza Maza former Bayan Muna Party list representative as Secretaries of Agrarian Reform and Social Work and Development and Chair of the National Anti-Poverty Commission. Mariano was the first ever peasant appointed to a Cabinet position. He was formerly head of the Kilusang Mambubukid ng Pilipinas (KMP) or Movement of Farmers in the Philippines. Mariano was also formerly a House of Representatives member under the party-list party Anakpawis which is identified with the mainstream Left.

A couple of years into the Duterte administration, however, and the power balance has tilted in favor of the elite "haves" to the detriment of the "have nots". This can be seen in the following instances:

The drug war as anti-poor. In general, the Duterte administration's drug war has brought about condemnation from the international community. In August 2017, Agnes Callamard, a special rapporteur on summary executions of the United Nations raised the alarm bells which has resulted in more than 3,900 killings by the Philippine National Police [42]. Presidential Spokesperson Harry Roque call Callamard an impartial rapporteur while President Duterte declared Callamard as persona non grata. Aggravating this situation is that the victims of the Duterte Administration's drug war have also generally been from the lower classes. Such an accusation came to light when the Department of Justice (DOJ) prosecutors dismissed the cases against high-profile drug suspects Peter Lim, Kerwin Espinosa and Peter Co. The decision of the DOJ, which was headed then by President Duterte's trusted aide, Secretary Vitaliano Aguirre II, "drew criticism and outrage, along [with] accusations that the government was only targeting the small players in the drug war and letting the big fish get away" [33].

The fate of left-wing personalities in the Cabinet. The appointment of leftist personalities in his Cabinet was not surprising as President Duterte styles himself as a "socialist" and has close associations with members of the CPP, foremost of whom is CPP founder Jose Ma. Sison. He also has close advisers who were former CPP members, e.g., Leoncio Evasco. While at the helm of DAR, Mariano called for a two-year moratorium on land conversions which

was actually supported by President Duterte. This was strongly opposed by Duterte's National Economic and Development Authority (NEDA) Director-General Ernesto Pernia who believed that such a policy will not be good for foreign investors and the real estate sector. Pernia's position has been backed by the business community, in particular, the Chamber of Real Estate and Builder's Association (CREBA) [38].

Duterte, however, left it to the landlord-dominated Philippine Congress on whether his left-wing Cabinet members would get their confirmation or not of its Comission on Appointments. Not surprisingly, Mariano and Taguiwalo did not gain the approval of the Commission. As for Liza Maza, her NAPC government position did not warrant the approval of Congress' Commission on Appointments. NAPC, however, remains to be a marginalized anti-poverty government agency and its head Liza Masa ultimately resigned.The determination of what socio-economic policies are to be pursued continue to lie mainly with the government's economic managers.

The Failure to End "Endo"

It is not surprising therefore that despite his campaign promise to pursue pro-poor economic policies, this has not been a reality. Foremost of this is the failure to end "endo", the end to contractualization. This was supposedly a cornerston of the Duterte administration's economic policy. "Endo" is the practice of "hiring employees for five months to circumvent labor laws providing them benefits and job security" [35]. "The practice is also referred to as contractualization. Durterte has even threatened to kill" businessmen engaged in this illegal practice" [35].

On May 1, 2018, President Duterte signed Executive Order (EO) No. 51 prohibiting contractualization, or *endo*. "Section 2 of the EO bans 'illegal contracting and subcontracting' when undertaken to circumvent workers' right to security of tenure, self-organizations and collective bargaining, and peaceful concerted activities" [3]. "Labor Secretary Silvestre Bello III told reporters that other forms of contractualization – like seasonal or project-based jobs of janitors and maintenance workers that can be outsourced – were still permitted" [3].

"According to the Article 281 of the Labor Code, probationary employment shall not exceed six months from the date the employee started working, unless it is covered by apprenticeship agreement stipulating a longer period" [20].

The same article also stated: "An employee who is allowed to work after a probationary period shall be considered a regular employee" [20].

The Employers Confederation of the Philippines (ECOP) said that "they will live with it and comply" despite the fact that they expressed fear that the security of tenure is "too loose and might be abused" [31]. The business groups also reiterated that contractualization or "endo" is the business model all over the world. Such a practice it pointed out brings forth flexibility in work arrangements which is the global practice. The business community's position was supported by the American Chamber of Commers of the Philippines (AmCham) [5].

But the labor groups led by Nagkaisa together with the militant group Kilusang Mayo Uno and the Trade Union Congress of the Philippines, rejected it, calling the EO the version which was opposed by labor groups. This was because this EO did not define the security of tenure (SOT) as the direct relationship between principal and a worker [31]. Renato Magtubo, the Nagkaisa spokesman and Chairman of the Partido Manggagawa, pointed out that "without their SOT definition, a contractual arrangement will still be considered legal if workers are regularized by his or her contractor, instead of their principal employer" [31].

As further expounded by Jose Sony G. Matula, president of the Federation of Free Workers (FFW), "the main point of the labor-proposed EO was the assurance that the security of tenure of the worker who have been working on different companies must be respected by directly hiring them as stipulated in the Philippine Constitution, Labor Code of the Philippines and different Supreme Court jurisprudence on labor issues" [21].

At the 16th Labor Executive Updates organized by the Employers Confederation of the Philippines (ECOP)... "business groups were one in saying that abolishing contract work would mean dire consequences, not only to employers and their businesses but also to the national economy, the country's competitiveness and to Filipino workers who search for decent and quality jobs" [20]. Furthermore, Trade Secretary Ramon Lopez and the business groups warned that "making direct hiring the norm for employment would scare off investors" [5]. A little over a year later, President Duterte broke his election promise and vetoed the security of tenure bill [1].

The Adverse Reperucssions of the TRAIN Act

Another anti-poor policy which is associated with the Duterte administration was the recent passing of the Tax Reform for Acceleration

and Inclusion (TRAIN) also known as Republic Act No. 10963. This is the first package of the Comprehensive Tax Reform Program (CTRP). For the Freedom for Economic Foundation (FEF), an advocacy group for good economic governance and market friendly reforms, the tax reforms were deemed as a "forward-looking" fiscal program [15]. The effect of the population though has not been as positive and the TRAIN Act is viewed as anti-poor because of the following reasons:

Implemented in January 2018, the TRAIN ACT brought about the increase in the prices of basic commodities to 4.3 percent in March 2018 [29]. As noted by the Philippine Statistic Authority (PSA), the TRAIN ACT added to the inflation rate which was much faster than the inflation rate of 3.1 percent during the same period last year [29]. The inflation was generally attributed to the higher prices of "cigarettes and alcoholic drinks" (de Vera 2018, B1). Due to the TRAIN law which "jacked up or slapped new excise taxes on cigarettes, sugary drinks, oil products, vehicles and others to compensate for the restructured perrsonal income tax regime that raised the tax-exempt cap to an annual salary of P250,000" [11]. The biggest fear is the additional pressure on inflation that is expected to come from rice [27]. In July 2018, the inflation went up to 5.7% which was considered the fastest rise in over five years [13]. By August 2018, inflation soared at 6.4%. This was considered a nine-year high [13].

Decline of purchasing power. "Alan Tanjusay, spokesperson for the Associated Labor Unions-Trade Union Congress of the Philippines (ALU-TUCP) said "the purchasing power of the minimum wage earners also dropped across the country as prices of goods and services went up from January to April 2018" [34]. He added that "informal sector workers would be worse off under the TRAIN ACT because they would be made to pay more for goods and services withouth earning extra from adjusted income tax exemptions" [34].

Workers' lay-off. But a worse scenario is that labor groups expect more workers to be laid off due to TRAIN ACT because "it jacked up or slapped new excise taxes on goods like oil, cigarettes, sugary drink..." As a result of this, labor groups believe that companies which produce these commodities like Coke, for example, will use this as an excuse to downsize their manpower as a result of corporate restructuring [34].

Higher tax burden on the poor. The left-wing Makabayan bloc[2] in the House of Representatives, pointed out that while the TRAIN ACT "provides higher income tax exemption for those earning below P250,000 annually, it actually levies higher tax burden to the poor majority with the removal of some VAT exemptions and introduction of new excise taxes on petroleum products and sugar-sweetneed beverages" [9].

The complaints of the Makabayan bloc was validated by the University of the Philippines School of Statistics Dean Dennis S. Mapa who "estimated that the poorest 30 percent of the population bore the brunt of the increases in prices" [24]. Duterte's economic managers cited external factors, "the spike in oil prices and weakening of the peso, as the principal causes for the inflation surge." It was, however, pointed out that if this is the case, "how come the country's Asean neighbors who were also subjected to the same conditions enjoy favorable inflation rates?" As noted in August, "Indonesia's inflation rate was 3.2 percent; Vietnam, 3.98%; Malaysia, 0.9%; Thailand, 1.6 per cent; and Singapore, 1.9 percent" [25].

Socio-economic Inequality Admidst the High Growth Rates. This situation comes at a time when the Philippine economy is said to be in a "golden age of growth." That is, the economy is currently enjoying a high growth rate of 7% to 8% and is performing its "best over the past nearly five decades" [24]. For National Economic and Development Authority (NEDA) Director-General and Socio-economic Planning Secretary Ernesto M. Pernia, this will allow the economy to provide more jobs and lift millions out of poverty [24]. A deja vu of the past which has still to be seen to come true. As noted, when the Philippine economy grew by 6.9% during the third quarter of 2017, making it one of the fastest in Asia, the agriculture sector's growth however slowed to 2.5 percent from 3 percent a year ago and 6.3% from the previous quarter [13]. This is quite significant as this is the poorest sector of the Philippine economy which consists of around 30 percent of the workforce.

But as pointed out by Akbayan Rep. Tom Villarin, while such the 6.9 percent growth "will have a boost to the market, [the] government has not addressed inequality, unemployment, lack of livelihoods and rising inflation that hits the poor most" [46]. As futher noted by Ifugao Rep. Teddy Baguilat Jr., "poverty and unemployment remained high despite the growing

[2] Besides Bayan Muna, members of the Makabayan bloc include ACT Teaches, Anakpawis, Kabataan and Gabriela party-lists (Dela Cruz 2018, A4).

economy" [46]. It also remains to be seen if this high growth economy will address the high poverty or hunger incidence in the country. On October 14, 2016, a survey by the Social Weather Stations (SWS) found that four in every Filipino families, equivalent to some 9.4 million households, rated themselves poor. The 42-percent self-rated poverty incident last September 2016, was considered a "record" low since the 43 percent logged in March 2010 (Pazzibugan et.al. 2016, A15). Furthermore, according to the SWS March 23-27, 2018 poll, joblessness in the country hit the highest level in five quarters in March. The "level of joblessnes was 23.9 percent, or an estimated 10.9 million, up from 15.7 percent, or 7.2 million, last December" [2].

As argued by FFW's Matula, "the economy is growing and expanding, but no trickle-down effect to the workers is felt because they have long been chained to contractual working arrangements" [21]. None other than Department of Finance (DOF) Undersecretary Karl Kendrick T. Chua, who is bannered as the World Bank poster boy for the conceptualization and implementation of TRAIN, noted that protest rallies and other public disturbances "are rooted not in poverty but in inequality." As he further notes, "It is for having divisive inequality for people to see that although they are not poor, many people, enjoy far more than they do. That is why they become destructive and engage in some form of violence" [22].

Linking Neo-liberalism with the Drug War

Thus the neo-liberal economic policies of the Duterte administration, like the past Philippine administrations have spelled for "bad governance" and UN Special Rapporteur Callamard on October 18, 2017 has pointed out its severe political repercussios. Callamard in particular has blamed neoliberalism for unleashing violence worldwide, calling "the liberal vision for development" a killer in the community [42]. Callamard said "a one-size-fits-all model of economic development has exacerbated inequality and was a factor in the rising tide of arbitrary executions and extrajudicial murders" [42]. "The restructuring of economies and the liberal vision of development is trickling down to every community and is a killer, in many ways," Callmard told Thomson Reuters Foundation in Dublin [42].

Callamard joins a host of institutions that have called into question the limits of the liberal economic model, which has for 40 years dominated thought on economic development[42]. Yet she pointed out that "neoliberalism did not garner the same attention as political populism and brutal military-style policing, which were making huge headlines for instigating violence worldwide" [42].

Absence of popular participation and consultation.

The implementation of economic policies which are anti-poor is also blamed for the lack of popular participation and consultation with the stakeholders, a practice which has characterized the post-martial law administrations. This for many has spelled for "bad governance". According to the labor coalition Nagkaisa, they were taken for a ride by the Duterte Administration concerning the "endo" EO. They pointed out that "There was no consultation on our fifth draft submitted to the Office of the President on April 13. The EO was signed definitely for the employers and not the workers" [31]. As further clarified by Magtubo, what President Duterte signed was the EO drafted last November 2017 which used the "definition of security of tenure in the Labor Code. It does not have teeth. It is just similar to the Department Order (DO) 174[3]" and this was the reason why the labor groups reject it [31].

The labor unions also pointed out that the Department of Trade and Industry (DTI) Executive Order (EO) proposal which the labor groups opposed does not address the contractualization problem. As pointed out by Rene Magtubo, chairman of Partido Manggawa (PM), "The DTI [EO] is obviously [based on] a business-as-usual policy that allows labor contracting on almost all jobs and functions that has changed the norm of employment from direct-hiring to agency-hiring" [21]. The EO of the labor unions is almost identical with that of the DTI and the employers' group "except for the definition of the right to security of tenure (SOT)". In their version of the EO, labor groups, defined the SOT as the direct hiring relationship between the principal employer and the employee. The DTI and employers opposed this definition on the SOT since if applied, contracting and subcontracting of labor will be prohibited if they violate the worker's SOT. This, in effect, will make contractualization prohibited in general [20].

The labor leader made this assertion as he and other labor leaders who belong to the Nag-

[3] DO 174 was issued by by the DOLE in 2017 to further restrict the practice of contractualization. "The issuance was unamimously rejected by labor groups since it failed to prohibit contractualization" (Rosales and Medenilla 2018, A2).

kaisa Labor Coalition were alarmed after Duterte canceled his meeting with them on Monday, April 16, "following the request of Trade Secretary Ramon M. Lopez. Lopez reportedly asked the President to postpone his meeting with the Nagkasia labor leaders because he was afraid that Duterte will approve the Nagkaisa-proposed EO, which will eventually oblige businessmen to increase workers' daily wages [21]. This highlights the priority which the Duterte Administration gives to the business sector rather than the labor groups.

Social Exclusion and Inequality and the Rise of Right-wing Populist Governance

The Duterte administration's anti-poor economic policies as well as the failure to provide an environment of popular participation and consultation in the decision-making process for the marginalized sectors of society has further perpetuated a situation of social exclusion and inequality in the country. Such a conditon is viewed as having brought about the rise of a populist right-wing type of governance. This is a trend seen not only in the Philippines but also in other developing and developed countries. An example of the latter is the victory of Donald Trump in the 2017 U.S. elections. As for the Philippines, Supreme Court Justice Marvic Leonen has warned that "disenchantment of those whose voices remain unheard and stifled have led them to look for a false messiah" [14].

As Leonen further adds, "Demagogues – this [is] just a warning, I am not referring to anyone – can arise out of legal frames that are formally democratic," the magistrate said. "Usually they take advantage of the exclusion and frustration of the majority. They offer quick fixes and represent themselves sharply from the more conscientious leaders who know that the major problems require patience, strategy, and participative resources" he added [14].

This may explain why, despite his anti-poor policies, President Duterte continues to enjoy excellent ratings. In January 2018, Pulse Asia Survey released its findings showing that last September 2017, President Duterte's approval and trust scores were both 80%. "The President enjoyed majority approval (72 to 93 percent) and trust (74 to 94 percent) ratings across all geographic areas [18]. In particular, the survey found that 73 percent of respondents believed policemen or soliders committed EJKs – an increase from 67 percent in June 2017. Despite this, 88 percent supported the campaign against illegal drugs [18].

Three months later, in a Social Weather Stations (SWS) survey conducted from March 23 to 27, 2018, Durterte received a "very good" at +58 percent rating. This was despite a drop in his net satsifaction rating by 12 points [2]. In June 2018, President Duterte's trust rating "dropped to its lowest in the June survey taken since he took office in June 2016" according to a June 2018 Social Weather Stations Survey (SWS). He, however, still earned a net trust rating of very good +69 [33].

Conclusion

This paper thus argued that for good governance to adequately make positive and substantive inroads in the democratization process in the Philippines, there is a need for it to address not only the political, e.g., corruption but also the socio-economic aspects of development. The latter mainly refers to the need to confront the issue of wide socio-economic inequalities in society. To do this, there is a need to challenge the limitations of neo-liberalism which has always been the dominant development paradigm in the country. Such a development paradigm has brought forth high economic growth rates which have remained exclusive to the detriment of the vast majority. The Philippine situation is a microcosm of the global trend of exclusive growth.

The previous post-martial law administrations of Corazon Aquino, Ramos, Estrada, Macapagal-Arroyo, Benigno S. Aquino as well as the current Duterte administration all have highlighted the failure of good governance to deal with rising socio-economic inequalities. This was heightened during the era of globalization which marked the Ramos administration where one witnessed the 1997 Asian Financial Crisis (AFC). Globalization and the AFC intensified the class bias against the poor of the country's economic policies leading to the presidency of Estrada. The same neo-liberal economic policies, however, continued to be pursued not only by Estrada but also his predecessor President Macapagal-Arroyo under whose administration the country experienced high growth rates amidst accusations of massive corruption against the leadership. Worst of all was that it remained to be an exclusive growth. Such a trend continued under the Benigno S. Aquino administration minus the accusations of rampant corruption but nevertheless leading to the electoral presidential victory of President Duterte.

Under the Duterte administration, however, anti-poor economic policies such as the failure to end contractualization and high inflation rates brought about by the TRAIN ACT continued to exacerbate socio-inequality and

poverty in the country. It also did not help that the anti-drug war, which catapulted President Duterte into power, is perceived to be targeting the poor. The current paradox, however, is President Duterte continues to enjoy a high popularity rating despite some minor declines. Some have pointed out that such a situation has reflected a global phenomenon of the rise of right-wing populist leaders in the desperation of the majority of the world's population who are excluded from the fruits of growth. In the Philippines, such an exclusion, however, continues to remain a reality and, like in the past, it may be a matter of time when the Filipino people will look for a new "messiah" or as warned by Senator Panfilo Lacson "when the stomach protests, prepare for revolution" (Yap and Nonato 2018, A18).

References:

1. Aurelio, J.M., 2019. Jeers, cheers as Du30 breaks vow to ened 'endo'. *Philippine Daily Inquirer.* July 27. A1 & A7.
2. Aurelio, J.M., 2018. Joblessness Hits Record High. *Philippine Daily Inquirer.* May 2. 2018.
3. Bunachita, J.S., 2018. Duterte Signs EO on 'endo. *Philippine Daily Inquirer,* May 2, 2018.
4. Camus, M.R. n.d., 2017. PH is World Leader in Social Media Usage. *Philippine Daily Inquirer.*
5. Canivel, R.S.C., 2018. Ending 'Endo' Will Scare off Investors – DTI. *Philippine Daily Inquirer,* May 18, 2018.
6. Canivel, R.S.C., 2018. Ending 'endo' will scare off investors – DTI. *Philippine Daily Inquirer.* April 18, A2.
7. Contreras, V.O., Avendano, Ronnel W. Domingo and Christian V. Esguerra., 2005. "Ten key officials withdraw support. *Philippine Daily Inquirer,* July 9, A1 & A2.
8. Cruz, N., 2013. Don't Vote for Members of Political Dynasties. *Philippine Daily Inquirer,* February 11.
9. Dela C., Jovee M.N., 2018. *Business Mirror.* May 11, A4.
10. De Vera, B.O., 2018. DOF: April Inflaion Likely Hit 4.5%. *Philippine Daily Inquirer,* May 4.
11. De Vera, B.O., Ph. C. Tubeza, and Reuters and AP., 2018. Abuse or Unemployment: Stark Choice for Many Filipino Maids. *Philippine Daily Inquirer.*
12. De Vera, B. O., and Jovic Yee, 2018. Fuel, Food Costs Push Inflation Up to 5.7%. *Philippine Daily Inquirer.* August 8.
13. De Vera, B. O., Jovic Yee, and Dexter Cabalza, 2018. Soaring Food Prices Fueled 6.4% Inflation in August. *Philippine Daily Inquirer,* September 6.
14. Dizon, N., 2018. SC Justice Warns of Rise of 'False Messiahs.' *Philippine Daily Inquirer,* February 15, 2018.
15. Dumlao-Abadilla, D., 2018. 'Tax Reforms Winning It for Du30. *Philippine Daily Inquirer*, October 17, B2-1.
16. Heywood, A., 2013. *Politics.* New York: Palgrave MacMillan.
17. Inquirer Research. 2013. More Families Went Hungry, Survey Says. *Philippine Daily Inquirer.* August 16, A4.
18. Inquirer Research, Ph. C. Tubeza, Vince F. Nonato, and Jocelyn R. Uy., 2018. Poll: 8 out of 10 Pinoys Trust the Presidenet. *Philippine Daily Inquirer,* January 9.
19. Lucas, D. n.d. Filipino Overseas Workers' 7-Mo Dollar Remittances Hit $18.5B. *Philippine Daily Inquirer.*
20. Medenilla, Samuel P., 2018. Duterte Again Opts to Avoid Inking Contractualization EO. *Business World. Business World.* April 16.
21. Nicolas, B.D., 2018. Duterte Seen Appeasing Labor with E.O. on May 1. *Business World.* April 17.
22. Ordinario, Cai U., 2018. PHL Still One of the Fastest-Growing Economies in E. Asia- World Bank. *Business Mirror.* June 7.
23. Ordinario, Cai U., 2018. Growth seen at 7% to 8% as PHL economy enters 'goldilocks period.' *Business Mirror.* April 20.
24. Ordinario, Cai U., 2018. DOF official: Inequality, not poverty, is root of discontent. *Business Mirror.*
25. Palabrica, R.J., 2018. Annus Horribilis. *Philippine Daily Inquirer,* September 11, sec. Corporate & Securities Info.
26. Pazzibugan, D.Z., Kate Pedroso, and Inquirer Research., 2016. 9.4M Households Rate Themselves Poor – SWS. *Philippine Daily Inquirer.* October 14.
27. *Philippine Daily Inquirer.* 2018. Inflation Fears, April 9, sec. Philippine Daily Inquirer (PDI) Editorial.
28. PDI. 2018. Richest 1 Percent Corner 82 Percent of Wealth Generated Globally. *Philippine Daily Inquirer.* January 2018.
29. PDI. 2018. Solgen: P200 Monthly Subsidey Will Protect Poor Families from Effects of TRAIN Law. *Philippine Daily Inquirer.* May 2, 2018.
30. Remo, Amy. 2018. ADB 51st Annual Meeting, Manila, May 3-6, 2018L Exciting Times in Asia, PH. *Philippine Daily Inquirer.* May 4. 2018.
31. Rosales, E.F. and Medenilla S.P., 2018. Ecop OK with 'endo' EO, but workers dissastisfied. *Philippine Daily Inquirer.* May 2.
32. Salaverria, L.B., 2018. Cabinet revamp? President set to fire underperformers. *Philippine Daily Inquirer.* March 17.
33. Salaverria, L.B., 2018. Though Down 8 pts, DU30 Keeps 'Very Good' Rating.' *Philippine Daily Inquirer.*

34. Santos, T.G., 2018. Labor groups expect more workers to be laid off due to TRAIN Act. *Philippine Daily Inquirer.* April 30.
35. Sauler, E., 2016. Bello on end of 'endo': 16,000 workers regularized. *Philippine Daily Inquirer.* October 21.
36. Tadem, T.S.E., 2008. Situating NGO Advocacy Work in Middle Class Politics in the Philippines. In *The Rise of the Middle Classes in Southeast Asia,* edited by Shiraishi Takashi and Pasuk Phongpaichit. Kyoto: Kyoto University Press and Melbourne: TransPacific Press, P. 194-216.
37. Tadem, T.S.E., 2012. Philippine Technocracy as a Bulwark against Corruption: The Promise and the Pitfall. *Philippine Social Sciences Review.* January–June. P. 99-124.
38. Tadem, T.S.E., 2018. Chapter 20: Technocracy and Class Politics in Policy-making. In Thompson, Mark R. and Eric Vincent C. Batalla. Routledge Handbook of the Contemporary Philippines. London and New York: Routledge Taylor & Francis, P. 262-272.
39. Tadem, T.S.E., 2008. The Perennial Drift to the Right: Transition to Democracy in the Philippines. In *States of Democracy: Oligarchic Democracies and Asian Democratization,* edited by Hee Yeon Cho, Lawrence Surendra, and Eunhong Park. Mumba: Earthworm Books, P. 136-162.
40. Tadem, T.S.E. and Tigno J.V., 2006. Chapter 3:"Philippine Social Movements after Martial Law" in *Philippine Politics and Governance: Challenges to Democratization and Development,* edited by T. S. E. Tadem and N. M. Morada. Quezon City: Department of Political Science, University of the Philippines, Diliman, P. 43-62.
41. The Inquirer Staff. 2018. Labor Groups Unhappy with Executive Order. *Philippine Daily Inquirer.* May 21.
42. Thomson Reuters Foundation. 2018. Neo-liberalism kills, says UN critic of drug war in PH. *Philippine Daily Inquirer.* October 20.
43. Tubeza, Ph.C., 2017. 'Fat' dynasties linked to worsening poverty. *Philippine Daily Inquirer.* February 16.
44. Philippine Daily Inquirer. 2018. Duterte's 'shoot in the vagina' remark hit. *Philippine Daily Inquirer.* February 12.
45. Yap, DJ., 2018. Wealth Didn't Trickle down to the poor, say DU30 Critics. *Philippine Daily Inquirer.* November 27.
46. Yap, DJ., 2018. Lacson Warns of Revolution if Price Increases Are Not Checked. *Philippine Daily Inquirer.* May 28.
47. Yarovova, T.V., Litvinova, T.N., 2017. Authoritarian revival in South Eastern Europe: origins and trends. *Journal of Law and Administration.* № 4. P. 97-102.

ПЕРЕСМОТР ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НА ФИЛИППИНАХ

Введение. *Статья посвящена политическим и социально-экономическим процессам на Филиппинах в контексте пересмотра и переосмысления концепции «Good Governance» («хорошее управление»).*

Термин «хорошее управление» на Филиппинах обычно определяется политически. По мнению ученых Национального института государственного администрирования и управления Филиппинского университета в Дилимане (UP NCPAG), «хорошее управление», главным образом, связано с улучшением качества управления (QOG), которое играет ключевую роль в восстановлении демократического пространства. Таким образом, основная задача заключается в «решении вопросов противодействия коррупции, этики государственного управления, эффективного и действенного предоставления государственных услуг заинтересованными филиппинскими учреждениями» (Концепция Форума CLCD2018).

Материалы и методы. *Решение проблемы качества государственного управления связано с оценкой демократических институтов страны, а также поиском ответа на вопрос, привела ли демократия к реальным реформам управления в филиппинском контексте. Такое исследование предполагает оценку и сравнение государственного управления после отмены военного положения в администрациях президентов Корасон Акино (1986-1992), Фиделя В. Рамоса (1992-1998), Джозефа Эстрада (1998-2001), Глории Макапагал-Арройо (2001-2010), Бенигно Акино (2010-2016) и Родриго Р. Дутерте (2016-настоящее время).*

Результаты. *Хотя политические реформы, направленные на повышение качества государственного управления, действительно уместны, в этой статье доказано, что такие политические реформы окажут существенное влияние на процесс демократизации в стране только если они будут сопровождаться реформами, направленными на преодоление растущего экономического неравенства в филиппинском обществе. В частности, существует необходимость в грамотной социально-экономической*

политике, которая будет направлена на перераспределение доходов. Без этого будет наблюдаться не только большой экономический, но и политический разрыв между богатыми и бедными, что также сделает практически невозможным проведение политических реформ.

Обсуждение и выводы. *В первой части статьи показано, как термин «государственное управление» обычно понимается на Филиппинах. Выясняется, что его определение в основном касается политической сферы, поэтому необходимо расширить его понимание, чтобы включить и социально-экономический аспект. Эту проблему ярко демонстрируют меры социальной политики различных администраций после отмены военного положения на Филиппинах. Вторая часть работы более подробно освещает, как ставится социальный вопрос в нынешней администрации президента Родриго Дутерте.*

Тереза С. Энкарнасьон Тадем,
доктор философии, профессор политологии, Колледж социальных наук и философии, исполнительный директор Центра интеграционных исследований и исследований развития, Филиппинский университет в Дилимане.

Ключевые слова:
государственное управление, Филиппины, политические преобразования, социально-экономические реформы.

Keywords:
Good Governance, the Philippines, political transformation, socio-economic reforms.

Article

СИНЕРГИЯ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Людмила Берг*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-23-31

Введение. *Современная правовая система немыслима без создания, трансляции, обмена, движения правовой информации. Действительно, полный цикл правового развития – от правового мышления до правоприменения подразумевает восприятие, создание, изменение, передачу правовой информации. Посредством правового воздействия осуществляется перманентное и разнонаправленное движение правовой информации, а также ее отражение в правовом сознании субъекта и последующее воплощение в поведении. Значение и роль правового воздействия ярко проявляется именно в том, что правовая информация, например, заключенная в тексте правовой нормы, будучи доведенной до сознания личности, становится действенной силой, направляя и упорядочивая поведение субъекта.*

Материалы и методы. *В процессе проведения исследования была применена совокупность подходов и методов, которые используются в рамках юридической науки – всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные (частноправовые) методы познания: диалектический, логический и формально-юридический. Специфика предмета исследования обусловила использование информационного и системного подходов.*

Результаты. *Автор формулирует определение правовой информации как совокупности сведений и других данных, которые представлены в правовых актах, нормативно-технических, справочных и научных материалах, а также сведений правового характера, создаваемых и передаваемых субъектами в ходе их взаимодействия, в результате которого происходит упорядочение социальных связей субъектов. Отмечается, что правовая информация может иметь официальный и неофициальный характер.*

Обсуждение и заключение. *Автор приходит к выводу о том, что синергия правового воздействия – это эффект повышения результативности за счет использования взаимосвязи и взаимоусиления «работы» разных элементов и компонентов правового воздействия на основе движения правовой информации.*

Исследование

Определимся с основными понятиями, которые будут использованы в качестве научных инструментов исследования и анализа роли правовой информации в процессе правового воздействия на общественные отношения.

Информация (от лат. informātiō– «разъяснение, представление, понятие о чём-либо», от лат. Informare – «придавать вид, форму, обучать; мыслить, воображать») – это разные данные или сведения о предмете, феномене или процессе вне зависимости от формы представления этих сведений. По справедливому мнению одного из крупней-

* **Берг Людмила Николаевна,** кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, Россия
e-mail: rektorat.science@usla.ru
ORCID: 0000-0001-8852-7971

ших исследователей феномена информации А.Д. Урсула, информация – это разнообразие, которое один субъект содержит о другом субъекте в процессе их взаимодействия [1. С. 228]. В этом определении важно то, что информация подразумевает взаимодействие субъектов. В правовом воздействии такое взаимодействие сопровождается передачей правовой информации и, в конечном счете, происходит (в случае определенности правового содержания) упорядочение поведения субъектов, либо в случае неопределенности – иные, как позитивные, так и негативные последствия для лиц, принявших к своему сведению такую информацию.

Уточним также исходные представления о понятии «синергия», необходимом для доказательства результативности правового воздействия при увеличении потоков правовой информации.

Этимологически слово «синергия», как многие научные термины, латинского происхождения (synergein), представляет собой объединение двух слов syn (переводится как «вместе») и ergon (в переводе – «работа»), в объединении слово означает «работающие вместе». Как следствие, словосочетание «синергия действия» подразумевает возрастание эффективности работы чего-либо в результате умножения количественных или качественных показателей. Именно такое умножение происходит при объединении элементов правового воздействия, приводящего к усилению влияния права на общество и появлению упорядоченных социальных связей.

В научном плане термин «правовая информация» активно стал использоваться в юридической науке с 70-х гг. XX века [2]. Понятием «правовая информация» охватываются, прежде всего, сведения, содержащиеся в нормативных правовых актах. Сюда также можно отнести всю социально-политическую информацию, которая имеет отношение к праву: это тексты законопроектов, а также иных правовых актов, сведенные данные по их обсуждению; вступившие в законную силу нормативные правовые акты, акты официального толкования, правоприменительные акты и материалы, связанные с их учетом, систематизацией и толкованием.

Все вышеописанное позволяет дать следующее определение *правовой информации: это сведения и другие данные, которые представлены в правовых актах, нормативно-технических, справочных и научных материалах, а также это сведения правового характера, создаваемые и передаваемые субъектами в ходе их взаимодействия, в результате которого происходит упорядочение социальных связей субъектов.*

Правовая информация может иметь *официальный и неофициальный характер,* однако ее главное предназначение и действенность заключается в том, что *она способна направлять поведение субъектов в известных границах, нормировать их поступки* [3. С. 96]. Например, неофициальная информация правового характера (даже в виде бытовых слухов) об изменении денежно – кредитной политики Центрального банка страны, влияет на поведение многих граждан и организаций, которые в результате той или иной информации осуществляют приобретение (или продажу), валюты, заключают соответствующие гражданско-правовые договоры.

Официальная правовая информация, например, размещенная в «Российской газете» об изменениях законодательства о нотариате приводит к изменению поведения собственников недвижимости, которые в результате развития «электронного нотариата» получают возможность быстрой регистрации прав в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии по удостоверяемой нотариусом сделке с недвижимостью[1].

Итак, важно признать, что массив правовой информации классифицируется по трем группам, и это деление определяется в соответствии с тем, кто транслирует информацию во внешний мир, т.е. является ее источником или автором, и на что она нацелена:

1) официальная правовая информация;

2) информация индивидуально-правового характера, имеющая юридическое значение;

3) неофициальная правовая информация [4. С. 58–73].

Первый вид – официальная правовая информация – передается по официально-властным информационным каналам[2] и исходит от полномочных государственных органов, обладает юридическим значением

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федерации от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ // Рос. газ. 2018. 6 авг.

[2] Например, таковым является сервер государственных органов власти России, располагающийся по адресу: http://gov.ru.

и может непосредственно упорядочивать социальные отношения. Информация индивидуально-правового характера также имеет юридическое значение. Этот вид информации исходит от субъектов права, которые не наделены властными полномочиями, но сами субъекты, под влиянием правовой информации, изменяют или прекращают конкретные правоотношения и трансформируют свое поведение.

Неофициальная правовая информация – это массив данных о содержании, главных принципах и нормах действующего законодательства, об опыте его применения, которые содержатся в форме научно-практических комментариев ученых, практиков, в форме статей и обзоров правовой информации, размещенных в прессе, на сайтах сети Интернет. Такие сведения могут не соответствовать актуальному содержанию действующего законодательства, могут отражать заблуждения и ошибочные представления авторов и не имеют юридически обязательного характера. Неофициальная правовая информация, хотя и не имеет обязательного характера, однако обладает регламентирующим, охранительным, регулятивным потенциалом и способна формировать общественное и индивидуальное правосознание, направлять, упорядочивать поведение субъектов.

Наконец, следует указать также на факультативный вид информации – неофициальную информацию *неправового характера, которая также может иметь упорядочивающее значение,* так как в ряде случаев может быть истолкована субъектами общественных отношений как *нормативная*. Например, неофициальная информация о проблемах того или иного туроператора, действовавшего на рынке туристических услуг, способна повлиять на поведение тех, кто приобрел путевки у такого туроператора. В результате воздействия неофициальной информации неправового характера происходит коррекция поведения, и субъекты могут поступить соответствующим образом, например, расторгнуть соответствующий договор.

В ходе процесса правового воздействия на общество проявляется новая особенность правовой информации. Она заключается в том, что правовая информация представляет собой явление, «распыленное» в структуре и содержании всех без исключения компонентов и элементов правового воздействия. *Таким образом, следует полагать, что правовая информация являет собой общую основу, субстанцию, связующую в единое целое «материал» правового воздействия. Это позволяет выдвинуть тезис о внутреннем единстве компонентов и элементов, участвующих в процессе правового воздействия на общественные отношения.*

Например, средоточием правовой информации являются не только официальные тексты нормативных правовых актов, но и акты реализации права, правоприменительные и интерпретационные акты. Правовая информация передается и преобразуется субъектами правовой деятельности, правовая информация является содержанием управленческих процессов, осуществляемых органами государственной власти и управления и т. д.

Заключение

Рассмотрим природу основных компонентов и элементов правового воздействия с точки зрения присутствия в их содержании правовой информации [5. С. 125–128].

1. *Общественные отношения (социальные связи)* – это, по сути, разнообразная общественная практика, деятельность людей. Естественно, не все поступки субъектов имеют информационно-правовую природу, но значительная часть из них оставляет после себя «информационный след». Совершая разные поступки, субъекты вступают в общественные отношения, опосредованные правовыми нормами, или осуществляют реализацию права. Таковы, например, заключение трудового договора, заключение гражданско-правовой сделки и т. п. Участвуя в этих отношениях, субъекты создают, тем самым, правовую информацию о содержании этих отношений: участниках, деятельности, юридических последствиях и пр. Субъекты отношений собственным активным участием в этих отношениях придают им правовое содержание, также создавая, таким образом, правовую информацию. Предположим, человек написал литературное произведение, например, пьесу. Этот результат деятельности субъекта является самостоятельным социальным фактом, содержащим соответствующую информацию. По своему характеру эта информация многоаспектна: она и личная, и правовая, и общественная. Данные отношения порождают не только права авторства, но и обязанность всех иных лиц не нарушать права автора. Другими словами, правовое воздействие выражается в том, что правовая информация о факте авторства литературного произведения обязывает иных лиц поступать определенным обра-

зом, соблюдать рамки, установленные существующим правопорядком.

С другой стороны, как отмечается в научной литературе, современное общество признается по своему характеру информационным [6], а информационные ресурсы рассматриваются как средство правовой политики и форма ее реализации [7. С. 6]. Это дает основания полагать, что в структуре общественных отношений можно обнаружить так называемые «информационные общественные отношения». Их особенность в том, что они возникают, изменяются и прекращаются в информационной сфере и опосредованы нормами права. Таковы, например, общественные отношения по защите своего имени. Это означает, в частности, право обладателя такового требовать воспроизведения имени без каких бы то ни было искажений. Кроме того, по действующему законодательству субъект имеет право вносить свое имя в качестве вклада в уставный капитал юридических лиц. В ряде случаев, имя (а значит и общественные отношения по его использованию) оказывает нормативно-упорядочивающий характер. Так, если имя стало товарным знаком (например, под товарным знаком звезды современного мирового футбола К. Роналдо выпускается обувь, парфюмерия и т. д.), то это может оказать воздействие на поведение потребителя. В результате субъекты осуществляют соответствующее экономическое поведение под влиянием авторитетного имени, совершают действия, заключают гражданско-правовые сделки, необходимые обладателю товарного знака и производителю товара.

2. *Человек (индивид, личность) – главный субъект правового воздействия.* Благодаря собственной деятельности в разных сферах общества, индивид способен создавать правовую информацию. Это очевидно, так как субъект, руководствуясь собственными мотивами и стремясь к удовлетворению потребностей и достижению целей, способен осуществлять юридически правомерную и, в ряде случаев, антиправовую, асоциальную деятельность. Результаты этой деятельности имеют информационную природу, и, соответственно, именно субъект может рассматриваться в качестве источника, носителя, транслятора правовой (неправовой) информации, оказывающей существенное нормативное влияние на других субъектов.

Среди всех мыслимых информационных источников ключевым звеном в этой системе является именно субъект. Это «живой источник», поскольку человек является субъектом активной деятельности, человек введён в природные и общественные процессы за счет разнообразия связей и потому неиссякаем как источник информации. Включаясь в эти процессы, субъект своей индивидуальной деятельностью «информирует» других участников общественной практики о собственной активности, демонстрирует образцы поведения, становится в ряде случаев, известным образцом поведения для других. В этом заключен потенциал «упорядочивающего» воздействия отдельного субъекта на другое лицо. Понятно, чем значительнее, масштабнее личность, тем большее число людей вовлечено в орбиту влияния этой личности, которые нередко подражают ей, копируют ее поведение, подпадают под влияние, «магию» статуса этой личности и т. д. [8. С. 28].

Передавая официальную правовую информацию другим субъектам (а равно неправовую) как транслятор «передатчик» информации, субъект, в силу своих личностных особенностей, уровня правового сознания, культуры, образованности и прочих качеств, может ее интерпретировать, изменять, упрощать, усложнять, разделять, искажать, игнорировать и т. д. Передавая информацию, он может повлиять на ее «потребительную стоимость» – например, сохранить ее достоверность, оперативность, точность и т. д. Другими словами, передаваемая субъектом информация может получить новые свойства, например, приобрести особую важность и значимость, в результате чего получатели этой информации могут расценивать ее как обязательную, официальную, что приводит к формированию упорядоченного поведения – поведения в соответствии с содержанием полученной информации.

Например, основными социальными институтами, которые влияют на характер получаемой правовой информации, являются: референтное социальное окружение (родители, семья), медиасреда (телевидение, интернет, радио), профессиональная сфера (место работы), друзья из близкого круга общения, социальная среда (место проживания, образ жизни и т. д.). В зависимости от влияния указанных факторов, при получении информации субъект осуществляет обработку информации – от ее точной передачи до полного искажения.

3. *Элементы правового воздействия (правовое установление, правовое регулирование, правовая охрана, правовая регламентация)* достаточно очевидно диагностируются как

динамически-статическое информационно-правовое системное образование, оказывающее, в большинстве случаев, результативное упорядочивающее воздействие на поведение физических и юридических лиц. Этот подход получил свое осмысление в научной литературе [9].

На всех стадиях правового воздействия – начиная со стадии правообразования, далее правотворчества, через стадию правореализации и заканчивая стадией правоприменения, информационно-правовые потоки, исходящие от нормативно-правовой базы, оказывают мощное воздействие на сознание субъектов, формируя их мотивацию к правовым поступкам, формируя соответствующее правовое решение к тому или иному варианту правового поведения. Однако в случае деформации потребностей и интересов, субъект принимает асоциальное правовое решение и осуществляет противоправное поведение. Но и в этом случае есть все основания утверждать, что правовая информация имела место, однако в борьбе мотивов, решающее воздействие на сознание субъекта оказала информация со знаком «минус», информация, сформировавшая искаженную систему ценностей, позволившая субъекту выйти за рамки социального контроля и совершить противоправный поступок.

4. *Государство* (в том числе правотворческие и правоохранительные органы) определяет объем и характер официальной правовой информации, ее содержание, формы трансляции, значимость и эффективность. Симптоматично, что именно государство дает легальное определение информации в Федеральном законе от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. В соответствии с п. 1 ст. 2 данного закона, информация – это сведения (сообщения, данные) вне зависимости от формы их представления.

Осуществляемое органами государства государственное управление – это плоть от плоти информационный процесс, подразумевающий создание, трансляцию и восприятие управленческой информации [10]. Источниками управленческой информации выступают лица, обладающие определенными полномочиями, средства массовой информации, информационные системы, технические данные и др. материальные носители, прежде всего бумажные и электронные (например, бухгалтерская документация, финансовые документы, сведения о движении кадров, закупках и т. д.). Значительное место в движении управленческой информации занимает устная информация. Для получения оперативной информации полномочные органы практикуют устные доклады и информирование. Восприятие устной информации нередко принимает двусторонний характер. В этом аспекте возникает проблема обмена информацией. В структуре этого обмена можно обозначить четыре основных элемента: источник (субъект, который формирует идеи или аккумулирует информацию и передает ее); сообщение (информация, закодированная в виде символов (знаков); канал (средство и способ передачи информации); получатель (субъект, которому направлена информация).

В процессе обмена информацией источник и получатель проходят несколько взаимосвязанных этапов. Их задача – составить сообщение и использовать канал для его передачи таким образом, чтобы обе стороны поняли и восприняли исходную идею в качестве руководства к действию. Однако особенность информационных потоков в государстве заключается в бюрократизме управления. Когда нужно решить какую-либо задачу, информация чаще всего поднимается в направлении снизу вверх, затем органом управления (власти) вырабатывается резолюция, которая поступает опять вниз. В данном случае значима скорость, с которой информация движется по всей цепи. Скорость зависит от степени количества промежуточных уровней управления, через которые проходит управленческое решение, точнее, от степени оптимизации государства и его органов. В силу сказанного, государство следует рассматривать как неиссякаемый источник официальной правовой информации, без ограничений перетекающей от одного элемента правового воздействия к другому.

5. *Психологические феномены с правовым содержанием* (правосознание, правовые ценности, установки, ожидания и пр.). В этом пункте необходимо сказать, что субъективная реальность личности (включающая указанные выше феномены) имеет информационную природу.

[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.01.2019).

Представим себе следующую ситуацию. Субъект слышит по радио информацию о вступлении в силу какого-либо закона. Будет ли он считать эту информацию настолько значимой, что будет строить собственное поведение в зависимости от ее содержания? Будет ли эта информация оказывать правовое воздействие? Ответ на этот вопрос не прост, так как последствия полученной информации зависят от многих личностных, субъективных факторов. Таковыми считаются индивидуальное правосознание [11], жизненные правовые ценности [12], правовые установки [13], правовая культура личности [14].

По законам психики, субъект получает не всю правовую информацию, адресованную ему. В соответствии с тем, кто транслирует информацию, каковы интеллектуальные данные реципиента, получающего информацию, какие характеристики физиологических возможностей органов чувств субъекта; каков его характер, привычки, способность, верно декодировать значение вербальной информации; возможность удерживать внимание, а также другие факторы психического восприятия влияют, в конечном итоге, на то, будет ли построено поведение субъекта в соответствии с правовой информацией или нет. Сказанное дает основание полагать, что такие феномены, как правосознание, правовые установки, правовые ожидания в значительной степени формируются под влиянием правовой информации.

Механизм усвоения сознанием информации таков, что субъект воспринимает информацию, проводя отбор и систематизацию полученных данных. Отбор предполагает отбрасывание ненужных данных. Ключевым в данном процессе будет опыт субъекта, его состояние, эмоциональный фон, отношение к происходящему, уровень рефлексии и др. Эти же факторы могут приводить и к утере информации. Субъект обрабатывает воспринятое, и в этом заключен психологический аспект систематизации информации. Субъект анализирует и обрабатывает информацию, основываясь на своих чувствах, ощущениях, убеждениях и ценностях, предпочтениях, эмоциях разного спектра.

Ценностная правовая ориентация – это личностное предпочтение правовых идеалов и поступков, вектор личности, направленный на сферу правовых ценностей, формирование их индивидуальной иерархии, включение их в цели и мотивы деятельности [15]. Ценностные правовые ориентации не только определяются самим субъектом, но и выступают объектом правового воздействия. Так, нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[4] формируют в сознании субъекта такие ценностные правовые ориентации, которые делают возможным потенциальное движение субъекта *только в одной из возможных* поведенческих стратегий – движение в сторону соблюдения правового порядка и режима законности, не нарушения норм уголовного права.

Ценностная правовая установка – это сформированная в сознании субъекта под влиянием соответствующей правовой информации не осознаваемая рационально готовность субъекта осуществлять в тех или иных ситуациях конкретный вариант правового поведения. Например, в одной и той же ситуации (предположим уличного бытового конфликта), стороны этого конфликта в зависимости от сформированной у них правовой установки могут либо активно участвовать в таком конфликте, либо стараться избежать его. Другими словами, правовая установка – это рационально не осознаваемая субъектом готовность проявить свою активность в сфере познания, реализации права, применения права, а также в правотворчестве, это своеобразная «настройка» действовать в соответствии с требованиями правовой нормы. Как и многие феномены сознания субъекта, правовая установка формируется правовой информацией, которая обладает нормативно-упорядочивающей функцией.

Итак, как было показано выше, каждый из компонентов и элементов правового воздействия имплицитно содержит в себе правовую информацию, в силу чего тезис о единстве правового воздействия можно считать обоснованным. Компоненты и элементы правового воздействия действительно обладают информационно-правовой природой. Однако для того, чтобы проявилась «сила», «юридическая энергия» правового воздействия, его составляющие должны быть соответствующим образом организованы в синергетическом единстве. Основа для такой синергии заключается в том, что, несмотря на различия в материале, из которого состоят компоненты и элементы правового воздействия – их объединяет

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Рос. газ. 1996. 18 июня; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.01.2019).

«кровеносная система», а именно – правовая информация.

Понятно, что роль и функциональное предназначение каждого компонента правового воздействия определяется его «местом» в правовой системе общества, уровнем его правового развития, «местом» в системе общественных отношений. Элементы правового воздействия, во многом определяемые правовой политикой государства, взаимодействуют между собой и формируют новую систему отношений уже непосредственно между субъектами, определяют меру свободы и границы поведения каждого субъекта. На этой основе формируется упорядоченность социальных связей между субъектами. В то же время, следует признать, что каждый из элементов правового воздействия, сам по себе, будучи «вырванным» из общей системы иных элементов, *не способен* с должной эффективностью обеспечить правомерное поведение субъекта. Поэтому решение этой проблемы, по нашему мнению, заключается в обеспечении *синергетического единства компонентов и элементов правового воздействия.* Общим, объединяющим началом синергии правового воздействия является, как уже было отмечено, правовая информация в силу того, что, как показано выше, каждый из компонентов и элементов правового воздействия обладает информационно-правовой природой. Следовательно, только в единстве, синергии компонентов и элементов правового воздействия возможно максимально результативное воздействие права на общественные отношения.

В результате того, что каждый из компонентов преобразует какую-то «долю» правовой информации (официальной или неофициальной) вовне, в социум, «во внешний мир», *происходит синергетический эффект умножения результативности правового воздействия на общественные отношения.* По гипотезе автора, синергия объединенного действия компонентов и элементов правового воздействия способна многократно усилить эффект такого воздействия на социальные связи, придав им четкость, упорядоченность и границы. Предположим следующую ситуацию. Органом государства в целях обеспечения своей политики, издается соответствующий закон. Например, закон о замене бумажных паспортов граждан РФ на пластиковые удостоверения личности. В законе содержится основополагающая правовая информация, «запускающая» процесс правового воздействия с целью упорядочения общественных отношений в необходимых границах. Для эффективной реализации политической и социальной задачи, «подключаются» средства массовой информации (телевидение, интернет, печатные средства массовой информации и т. д.), объясняющие содержание закона, его значение, достоинства и недостатки и т. д. Правовая информация, получившая импульс движения от соответствующего закона, становится содержанием массового и индивидуального правового сознания, формируя соответствующую мотивацию к индивидуальному правовому поведению. Фактами реальной правовой действительности становятся сначала отдельные случаи получения новых паспортов, затем процесс приобретает массовый характер, охватывая все новые и новые общественные слои и регионы государства. Таким образом, поведение становится упорядоченным, цель правового воздействия достигается за счет синергии всех компонентов и элементов.

Как сложное социальное и динамичное системное образование, правовое воздействие достигает максимального эффекта упорядоченности общественных отношений (или отдельных социальных связей между людьми) за счет своей целостности. Если максимально используются возможности кооперирования компонентов и элементов правового воздействия, то достижение эффекта правового воздействия обеспечено. Причина этому в характеристиках правовой информации, которая перетекает в разных формах между компонентами и элементами правового воздействия.

Итак, синергия правового воздействия – это эффект повышения результативности за счет использования взаимосвязи и взаимоусиления «работы» разных элементов и компонентов правового воздействия на основе движения правовой информации.

В общем виде эффект синергии правового воздействия можно описать несколькими переменными, среди которых следующие:

1) увеличение правомерных поступков;
2) сокращение числа правонарушений;
3) снижение числа судебных исковых производств и т. п.[5]

[5] Следует отметить, что реальные количественные данные этих переменных и эффект их совместного влияния на изменение правового порядка и законности в обществе оценить достаточно сложно в связи с несовершенством соответствующего методологического аппарата.

В правовом воздействии на общественные отношения играют особую роль и выполняют общественно важную миссию компоненты и элементы правового воздействия.

Для правового воздействия типично, что имеется набор компонентов и элементов, при котором потенциал правового воздействия всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов его составляющих, либо существенно меньше. Однако важно не столько сочетание *возможностей* (что само по себе трудно диагностируемо), сколько их согласованное реальное *действие* и взаимные координационные и иерархические связи между компонентами и элементами правового воздействия, основанные на объединяющей правовой информации. Поэтому эффект синергии компонентов и элементов правового воздействия – это не только сочетание возможностей компонентов и элементов правового воздействия на основе их кооперации, но и организованный единый процесс влияния правовой информации на участников общественных отношений в целях достижения упорядоченности общественных отношений.

Литература:

1. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. Челябинск, 2010.
2. Шебанов А.Ф., Шляхов А.Р., Москвин С.С. Правовая информация. М., 1974.
3. Берг Л.Н. Информационно-психологический аспект правового воздействия в сфере научной деятельности // Российский юридический журнал. 2013. № 4.
4. Симонов С.В. Технологии и методики классификации информационных ресурсов // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2006. Т. 27.
5. Berg L. The establishment of legal rules as an element of the system of legal influence: an instrumental approach // BRICS Law Journal. 2018. Т. 5. № 3.
6. Степанов О.А. Право в информационном обществе. М., 2011.
7. Солдаткина О.Л. Информационные ресурсы российской правовой политики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
8. Берг Л.Н. Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ // Общество и право. 2016. № 2.
9. Петин И.А. Информационно-диалектические основания уголовно-правового регулирования: монография. М., 2014.
10. Митин А.Н. Теория и механизмы управления: учебник. Екатеринбург, 2017.
11. Сафронов В. В. Правосознание гражданина: монография. Красноярск, 2008.
12. Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000.
13. Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993.
14. Насурдинов Э.С. Правовая культура: монография. М., 2014.
15. Панкратова М.Е. Формирование ценностно-правовых ориентаций современной российской молодёжи. Ногинск, 2012.

SYNERGY OF LEGAL IMPACT

Introduction. *The modern legal system is unthinkable without the creation, transmission, exchange, movement of legal information. Indeed, the full cycle of legal development (from legal thinking to law enforcement) implies the perception, creation, change, transfer of legal information. Through legal influence a permanent and multidirectional movement of legal information is carried out, as well as its reflection in the legal consciousness of the subject and subsequent incarnation in behavior. The significance and role of legal influence is clearly manifested precisely in the fact that legal information, for example, contained in the text of the legal norm, being brought to the consciousness of a person, becomes an effective force directing and regulating the behavior of the subject.*

Materials and methods. *Universal (philosophical), general scientific, private scientific (private law) methods of cognition were used in the research process, including dialectical, logical and formal-legal methods. The specificity of the subject of the study led to the use of information and systems approach.*

Results. *The author formulates the definition of legal information as a set of information and other data that are presented in legal acts, regulatory and technical, reference and scientific materials, as well as legal information created and transmitted by subjects in the course of their interaction, which results in the streamlining of social relations of subjects. It is noted that legal information may be formal and informal.*

Discussion and conclusion. *The author comes to the conclusion that the synergy of legal influence is the effect of increasing efficiency through the use of interconnection and mutual reinforcement of the «work» of different elements and components of legal influence based on the movement of legal information.*

Lyudmila N. Berg,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Research,
Ural State Law University, Russia.

Ключевые слова:
правовая информация, синергия, правовое воздействие, правовое поведение, правоприменение, правовое установление, правовое регулирование, правовая охрана, правовая регламентация, правовая норма.

Keywords:
legal information, synergy, legal impact, legal behavior, law enforcement, legal establishment, legal regulation, legal protection, legal regulation, legal rule.

References:

1. Ursul A. D., 2010. Priroda informatsii: filosofskii ocherk [The nature of information: a philosophical essay]. Cheliabinsk.
2. Shebanov A. F., Shliakhov A. R., Moskvin S. S., 1974. Pravovaia informatsiia [Legal information]. Moscow.
3. Berg L. N., 2013. Informatsionno-psikhologicheskii aspekt pravovogo vozdeistviia v sfere nauchnoi deiatel'nosti [Informational-psychological aspect of legal influence in the field of scientific activity]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal [Russian juridical journal].* № 4.
4. Simonov S.V., 2006. Tekhnologii i metodiki klassifikatsii informatsionnykh resursov [Technologies and Methods of Information Resources Classification]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Institute of Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences].* Vol. 27.
5. Berg L., 2018. The establishment of legal rules as an element of the system of legal influence: an instrumental approach. *BRICS Law Journal.* Vol. 5. № 3.
6. Stepanov O.A., 2011. Pravo v informatsionnom obshchestve [Law in the information society]. Moscow.
7. Soldatkina O.L., 2011. Informatsionnye resursy rossiiskoi pravovoi politiki: obshcheteoreticheskii aspect [Informational resources of the Russian legal policy: general theoretical aspect]. Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. Saratov.
8. Berg L.N., 2016. Sotsial'no-psikhologicheskaia sistema pravovogo vozdeistviia: obshcheteoreticheskii analiz [Socio-psychological system of legal impact: a general theoretical analysis]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law].* № 2.
9. Petin I.A., 2014. Informatsionno-dialekticheskie osnovaniia ugolovno-pravovogo regulirovaniia [Information and dialectical foundations of criminal law regulation]. Moscow.
10. Mitin A.N., 2017. Teoriia i mekhanizmy upravleniia [Theory and mechanisms of management]. Ekaterinburg.
11. Safronov V.V., 2008. Pravosoznanie grazhdanina [Citizen's Legal Awareness]. Krasnoiarsk.
12. Nersesiants V.S. (Ed.), 2000. Politiko-pravovye tsennosti: istoriia i sovremennost' [Political and Legal Values: Past and Present]. Moscow.
13. Shcherbakova N.V., 1993. Problemy pravovoi ustanovki lichnosti [Problems of the legal installation of personality]. Iaroslavl'.
14. Nasurdinov E.S., 2014. Pravovaia kul'tura [Legal culture]. Moscow.
15. Pankratova M.E., 2012. Formirovanie tsennostno-pravovykh orientatsii sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Formation of value-legal orientations of modern Russian youth]. Noginsk.

Article

СДЕЛКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН И СМАРТ-КОНТРАКТЫ

Елена Завьялова*
Екатерина Шумская**
Александра Шумская***

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-32-38

Введение. *Смарт-контракты стали востребованными соглашениями на современном рынке с развитием криптовалюты за счет их возможности обеспечения и гарантии правоприменения. На сегодняшний день они выполняются автоматически при помощи технологии блокчейн. Смарт-контракты являются предметом дискуссий во многих странах, в первую очередь, из-за возникших вопросов по их правовому закреплению в законодательстве на предмет регулирования цифровых активов и правового признания самой технологии блокчейн, что и определило цель данного научного исследования.*

С целью более глубокого понимания сущности данного вида соглашений в работе применен исторический метод по вопросам особенностей становления смарт-контрактов. Для выявления ключевых различий был проведен формально-юридический и сравнительный анализ смарт-контрактов с классическими договорами в электронной форме. Также были изучены сферы применения смарт-контрактов в мире и в России, такие как банковская сфера, здравоохранения, страхование и государственные услуги.

Материалы и методы. *Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов, включая системный, исторический, формально-юридический, сравнительный и аналитический подходы.*

Результаты исследования. *Дана оценка таких контрактов с точки зрения существующего гражданского права Российской Федерации и предложены дальнейшие направления для изучения и развития, в том числе совершенствование нормативной и институциональной среды для сохранения правовой определённости.*

*О**бсуждение и заключение.** Существующее правовое регулирование не содержит запретов на использование смарт-контрактов в бизнес-практике компаний и частных лиц. Но простота алгоритма реализации сделки, построенной на блокчейне, всё же требует определённого юридического сопровождения.*

* **Завьялова Елена Борисовна,** заведующая кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, Россия

** **Шумская Екатерина Игоревна,** старший преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, Россия

** **Шумская Александра Игоревна,** специалист в сфере городского управления, МГУУ Правительства Москвы, Россия

Введение

Не так давно в мире сформировалась новая реальность: население развитых стран обладает почти повсеместным Интернет-доступом, а компьютер или смартфон есть у подавляющего количества пользователей, стоимость связи и современного оборудования снижаются. Всё это сделало возможным интенсивное развитие и применение различных цифровых технологий.

В бизнес-среде в цифровые технологии уже переведены ценные бумаги, денежные средства (на счетах в банках) и подписание контрактов. Одна из последних разработок, которая привлекла внимание бизнеса, а затем и государства – это технология блокчейн. По своей сути она представляет собой распределённый реестр: запись в системе хранится не на едином сервере, а на множестве связанных компьютерах [2. С. 91]. Вторая характеристика, которая делает технологию такой привлекательной – это структура самого блока, которая содержит в себе информацию о всех предыдущих переходах актива. Вышеописанные свойства определяют надёжность и сложность несанкционированного вмешательства в систему. Кроме того, решается проблема двойной продажи актива. Именно поэтому данная технология стала такой популярной – она устраняет недостатки классических реестров.

Исследование

После широкого распространения технологии блокчейн и криптовалют (рис.1), по сути создания новой децентрализованной и независимой финансовой системы, государство начало предпринимать попытки урегулировать данную сферу, что подняло немало вопросов, поскольку пользователи находятся в различных юрисдикциях и не имеют единого операционного центра, возникают новые вопросы безопасности общества из-за возможного финансирования терроризма и криминальной деятельности.

В отечественном законодательстве уже предприняты первые шаги по урегулированию этой сферы: в статье второй проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (далее – Законопроект) содержится вариант определения криптовалюты, майнинга, токенов и самой технологии блокчейн (части, связанной с распределённым реестром), объединенных под единым понятием цифровых финансовых активов.

Согласно этому Законопроекту цифровое право создается на основе информационной системы. В новой редакции ст. 128 ГК РФ криптоактивы определяются, как особый объект гражданских прав, но, согласно ст. 141.1 ГК РФ, они будут лишь удостоверять гражданские права. При этом, в законопроекте токенам уделяется гораздо больше внимания, чем криптовалютам, нет ответа на вопрос будет ли токен ценной бумагой и какой. Необходимое понимание, аналогичное Howey Test в США, позволяющее признать ценной бумагой любой договор с инвестиционной природой [9. С. 52], на сегодняшний день в России отсутствует.

Одним из востребованных и распространённых инструментов совершения сделок в будущем обещает стать заключение смарт-контрактов, как частного вида использования технологии блокчейн. Смарт-контракт – это алгоритм, который осуществляет операции с активами в автоматическом режиме по заранее заданным условиям. Например, лицо может заключить договор купли-продажи токенов на условиях их автоматического получения при зачислении денежных средств на счет эмитента.

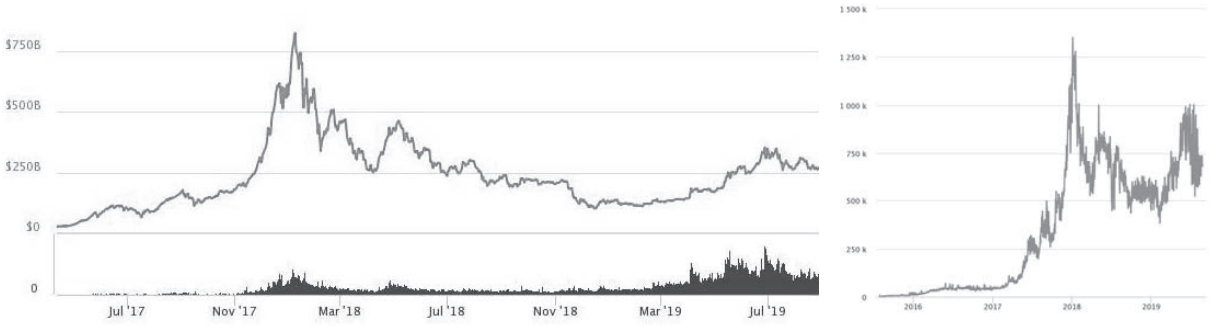


Рис. 1. Слева: динамика капитализации рынка в криптовалюте. Справа: количество совершенных в день транзакций по смарт-контрактам.

Источник: coinmarketcap.com и etherscan.io, 2019.

Контракт, имеющий юридическую силу, позволяет сторонам координировать свои действия и полагать, что их обязательства по отношению друг к другу будут выполнены. Отметим, что неотъемлемым ограничением традиционных договоров является необходимость сторон доверять государству, а зачастую и различным частным посредникам, которые способствуют эффективной работе системы. Правовое обеспечение выполнения контрактов может быть обременительным и подвержено ошибкам.

Точно так же, как есть причины использовать децентрализованную систему цифровых валют (см. рис. 1), даже несмотря на то, что традиционные целевые валюты чрезвычайно успешны, децентрализованные цифровые контракты могут аналогичным образом решить проблемы, которые не может выполнить традиционная система контрактов [6. С. 2].

Важно понимать, что смарт-контракт, в отличие от классического договора в электронной форме, являет собой более масштабное и сложное соглашение, чье применение ограничено реестром блокчейн. Его алгоритм содержит возможность самостоятельного принятия решения об исполнении условий сделки, например, возможность автоматического списания средств со счетов, в отличие от классического вида договора, заключенного в электронной форме, обеспечение исполнения которого возлагается на сами стороны [4. С. 5]. Потому отождествление гражданско-правового договора и смарт-контракта невозможно.

Основной вопрос для децентрализованных контрактов стоял в надежности обеспечения выполнения обязательств и соблюдения участниками правил. Первоначальная концепция смарт-контрактов Н. Сабо [10. С. 3]. предусматривала, что криптография будет защищать соглашения, но не имела механизма, гарантирующего правоприменение. Однако у этой проблемы появилось решение с развитием криптовалют.

Смарт-контракты должны были достичь четыре основные цели: наблюдаемость (обе стороны могут наблюдать за работой друг друга), проверяемость (легкая проверка, если и когда транзакции были выполнены), конфиденциальность (раскрываются только необходимые подробности для завершения контракта) и возможность обеспечения исполнения (автоматизированное исполнение).

На сегодняшний день ожидается, что «умные» контракты смогут существенно изменить коммерческий мир и потребуют новых юридических ответов, но не будут вытеснять договорное право. Они потенциально могут обеспечить *большую эффективность* по сравнению с традиционными контрактами, но нам все еще необходимо объяснить, как «умные» контракты могут решать вопросы, затрагивающие договорное право [12. С. 7].

Очевидно, что использование интеллектуальных контрактов в какой-либо деятельности повысит скорость и эффективность работы. Не менее важно отсутствие в них текстовой двусмысленности, так как при написании положений используется официальный язык, понятный машине.

В настоящее время входные параметры и этапы выполнения для умного контракта должны быть конкретными и объективными. Другими словами, если появляется «х», тогда выполните шаг «у». Следовательно, фактические задачи, выполняемые умными контрактами, являются довольно рудиментарными, такими как автоматическое перемещение суммы криптовалюты из кошелька одной стороны в другую, когда определенные критерии удовлетворены. Но по мере того, как продолжается распространение технологии блокчейн и все больше активов оцифрофываются, смарт-контракты становятся сложнее.

Интеллектуальные контракты в настоящее время лучше всего подходят для автоматического выполнения двух типов «транзакций», встречающихся во многих контрактах:

(1) обеспечение выплаты средств при определенных инициирующих событиях;

(2) наложение финансовых штрафов, если определенные объективные условия не выполняются.

В каждом случае вмешательство человека, в том числе через доверенного держателя условного депонирования или даже судебную систему, не требуется после того, как смарт-контракт был запущен, что снижает затраты на исполнение и обеспечение выполнения процесса заключения контракта [1. С. 100].

В табл. №1 представлен анализ существующих смарт-контрактов по сфере их применения в России и мире. Они уже используются в банковской сфере, здравоохранении, страховании, государственных услугах и др.

На сегодняшний день наиболее распространённое применение смарт-контрактов – краудфандинг – сбор средств у неограниченного числа пользователей для создания нового продукта. Самый простой смарт-контракт для краудфандинга выглядит следующим

Таблица №1. Сферы применения и отличительные характеристики смарт-контрактов

Сфера	Возможности применения	Примеры
Здравоохранение	Защита конфиденциальности с возможностью обмена агрегированными данными	• Фонд электронного здравоохранения eHealth Foundation (Эстония) функционирует с 2005 г.
Банковская сфера	Система интеллектуальных контрактов помогает сократить расходы банков, снизить неопределенность и кредитные риски; устранить посредников в сделке.	• Британский банк Barclays использовал смарт-контракты для проведения сделок с аккредитивами в рамках международной поставки товаров. • Banco Bilbao Vizcaya Argentaria (BBVA) использует смарт-контракты для предоставления кредитования. • В 2016 году в России состоялась первая сделка с использованием смарт-контрактов между S7 Airlines и Альфа-Банком.
Страхование	Оптимизация ведения страхового учета и документооборота и выплат компенсаций в типовых случаях	• Немецкая компания Allianz использует смарт-контракты с целью автоматизации страховых выплат. • Российский стартап ReGa Risck Sharing использует технологию блокчейн Ethereum в страховании домашних животных
Гос. услуги	Проведение процедуры голосования на основе смарт-контрактов, организацию хранения электронных документов, повышение прозрачности работы.	• Кадастровая служба Швеции работает над созданием решения по устранению ошибок, связанных с ручным вводом данных, и повышением надежности передачи документации. • В феврале 2018 года Росреестр использовал технологию блокчейн для регистрации договора долевого участия.

Источник: составлено авторами.

образом: пользователи перечисляют денежные средства на специально созданную платформу в определённый временной промежуток и взамен получают токены. Внутри платформы работает алгоритм, который позволяет, если к дате окончания сбора средств не соберётся необходимая сумма, вернуть обратно денежные средства, путём возврата токена. Если сумма была собрана, для инициатора сбора средств становится доступна функция вывода денежных средств с платформы.

«Умный» контракт – алгоритмическая программа, при помощи которой возможно автоматически заключать, исполнять и прекращать различные договоры по наступлении заранее установленных юридических фактов.

С точки зрения юридической природы смарт-контракта стоит признать его в качестве сделки. Однако возникает вопрос о квалификации такой сделки как сделки, совершенной под условием. На первый взгляд эта правовая конструкция наиболее близка к смарт-контракту, но она не учитывает ряд особенностей технологии блокчейн.

Во-первых, контракт оперирует только активами, находящимися внутри системы, и, что особенно важно, данные, которые описывают наступление события, являющегося условием, тоже должны быть загружены в систему. Во-вторых, как сказано ранее, никакое вмешательство в алгоритм после его написания невозможно, поэтому для системы такая сделка не является условной, ей больше соответствует определение отложенной.

Стоит отметить необходимость разграничивать компьютерный код, функционирующий на платформе блокчейн, и традиционный договор. Цель программы – обеспечение заключения, исполнения и автоматического прекращения договора. В свою очередь, данный договор может быть любым типовым гражданско-правовым, который отвечает присущим смарт-контракту признакам: договором страхования, договором аренды и т.п.

На сегодняшний день имеются две концепции понимания смарт-контрактов. Первая уже имеет статус официальной и содержится в Федеральном законе «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который вступит в силу 1 октября 2019 года. Вторая концепция представлена в проекте Федерального за-

кона «О цифровых финансовых активах»[1], принятом Государственной Думой в первом чтении.

В целях исполнения смарт-контрактов законодатели дополняют нормой статью 309 ГК РФ. Она гласит, что условия сделки могут предусматривать исполнение сторонами обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий. Таким образом, сделка с цифровыми правами не является отдельной сделкой.

При анализе этой нормы возникает несколько вопросов. Во-первых, данное дополнение находится в главе 22 Гражданского кодекса «Исполнение обязательств», что не согласуется с текстом, так как речь идёт о «новом» виде условной сделки. Во-вторых, в указанной новелле законодатель, возможно, неосознанно изменил общую концепцию понимания исполнения сделки: теперь для исполнения требуется волеизъявление сторон, но смарт-контракты могут этого избежать, поскольку их исполнение не требует «*отдельно выраженного дополнительного волеизъявления*». Такая позиция законодателя вызывает определённые сомнения, как минимум в связи с неоконченным спором правоведов о природе исполнения сделки.

Стоит отметить, что заключение гражданско-правового договора в виде интеллектуального контракта возможно двумя способами, а именно: в форме заявки, которая подается клиентом в электронном виде с использованием электронной подписи во исполнение рамочного договора (заключен на бумажном носителе на входе в блокчейн); путем clic-wrap-соглашения, условия которого принимаются посредством проставления галочки в поле «Согласен» [3. С. 2].

Ещё один важный вопрос, традиционно возникающий при заключении сделок – правила их оспаривания. В случае смарт-контракта оспаривание сделки по основаниям, связанным с наступлением условия, не имеет смысла, так как стороны и третьи лица никаким образом не оказывают влияния на наступление условия. Интересно, что первоначально изменения в статью 309 ГК РФ содержали положение об оспаривании смарт-контрактов:

«Оспаривание состоявшегося исполнения таких обязательств допускается исключительно в случаях, когда доказано вмешательство сторон сделки или третьих лиц в процесс исполнения».

При этом сама внутренняя логика технологии блокчейн не допускает вмешательства какой-либо стороны, после того как все условия смарт-контракта определены и он был запущен, кроме глобальных техногенных катастроф, которые повлекут отключение от сети всех устройств, поддерживающих работу распределённого реестра. Можно предположить, что оспоримость смарт-контракта, его механики, противоречит самому назначению этой технологии, результат применения которой всегда определён и неизменяем.

Правовая особенность смарт-контракта, а именно невозможность отмены или изменения автоматического исполнения договора, может быть квалифицирована как новый способ обеспечения исполнения обязательств, наличие которого устанавливает доверие между сторонами [5. С. 11].

Здесь снова можно вернуться к самому пониманию смарт-контракта как института гражданского права и способа совершения транзакций. Обратимся к проекту Закона о цифровых активах. Статья вторая содержит такое определение смарт-контракта:

«Смарт-контракт - договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств».

Отмеченные недочеты указанных выше законопроектов не уменьшают степени их значимости по причине острой необходимости разработки такого рода законодательства в сфере регулирования цифровых финансовых активов и цифровых прав со становлением Четвертой промышленной революции.

Результаты исследования

Когда мы рассматриваем не только использование блокчейна для транзакций, но и его замену традиционным организациям и системам управления, нам также необходимо принимать во внимание проблемы, которые возникают для общества в целом. До сих пор они решались с помощью национальных или международных правовых инструментов, но если мы перейдем к работе через децентрализованные организации и плат-

[1] Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» / [Электронный ресурс]. – электронная справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.08.2019).

формы, нам также понадобятся новые способы снижения рисков, которые возникают в ходе их функционирования. Необходимо реализовать меры безопасности, учитывая, что технологии могут работать без центральных органов, таких как судебные органы [7. С. 9] или посредников, таких как банки [11. С. 8].

Соответственно, нормативная и институциональная задача государств состоит в том, чтобы обеспечить постоянное существование мер безопасности, таких как, например:

- обязательные правила в договорном праве, которые устраняют сбои рынка;
- механизмы защиты, такие как защита потребителей, защита инвесторов, защита рыночной конкуренции;
- меры по сохранению определенных видов деятельности в рамках социально допустимых границ (границы финансирования терроризма или отмывания денег);
- реагирование на социальные нужды.

Относительно российского законодательства понимание смарт-контракта как особой формы договора усложняет взаимодействие сторон. К тому же, после того как смарт-контракт признаётся договором, на него распространяются все нормы договорного права, и о форме, и о последствиях его расторжения и изменения.

Нам представляется более удачной формулировка проекта изменений ГК РФ, внесённого депутатами В.В. Володиным, П.В. Крашенинниковым в марте 2018 года в части указания на автоматизированное исполнение обязательств.

Заключение

В то же время хотя технология блокчейн обладает значительным потенциалом в области смарт-контрактов [8. С. 215], традиционное правоприменение необходимо и до сих пор остается доступным в качестве поддержки.

Существующее правовое регулирование не содержит запретов на использование смарт-контрактов в бизнес-практике компаний и частных лиц. Но простота алгоритма реализации сделки, построенной на блокчейне, всё же требует определённого юридического сопровождения: между партнёрами должен существовать как минимум договор о применении блокчейна. Возможно, наилучшим вариантом для сохранения правовой определённости и существующей структуры институтов и конструкций гражданского права было бы признание смарт-контракта в качестве формы автоматического исполнения обязательств с использованием алгоритмов и программ для ЭВМ.

Примечание:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31343

Литература:

1. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 96-119.
2. Anderson L., Holz R., Ponomarev A., Rimba P., Weber I. New kids on the block: an analysis of modern blockchains // CoRR abs/1606.06530. 2016. P. 91-96.
3. Cassano J. What Are Smart Contracts? // Cryptocurrency's Killer App. 2014.
4. Morris D. Bitcoin is Not Just Digital Currency. It's Napster for Finance // FORTUNE. 2016.
5. Kaminska I. Decentralised courts and blockchains. // FT Alphaville. 2016.
6. Kim H., Laskowski, M. Towards an ontology-driven blockchain design for supply chain provenance // Proceedings of the Conference Paper for Workshop on Information Technology and Systems, WITS. 2016.
7. Kuo T. et al. ModelChain: Decentralized Privacy-Preserving Healthcare Predictive Modelling Framework on Private Blockchain Networks // ONC/NIST Blockchain in Healthcare and Research Workshop, Gaithersburg, MD. 2016.
8. Mason S. Artificial intelligence: Oh really? And why judges and lawyers are central to the way we live now – but they don't know it // Computer and Telecommunications Law Review. Vol. 23. Issue 8. 2017. P. 213-225.
9. Mendelson M. From Initial Coin Offerings to Security Tokens: A U.S. // Federal Securities Law Analysis. Vol. 22. STAN. TECH. L. REV. 2019.
10. Szabo N. Formalizing and securing relationships on public networks, First Monday 2. 1997.
11. Veerpalu A. Regulation of Blockchain Technology and its Challenges // Presentation at the ELSA Colloquium of IT LAW for PhD students and researchers. University of Aix-Marseille. 2017.
12. Werbach K., Cornell N. Contracts ex machine // Duke Law Journal. (67). 2017.

TRANSACTIONS IN THE DIGITAL AGE: BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND SMART CONTRACTS

Introduction. *Smart contracts have become demanded agreements in the modern market with the development of crypto-currency due to their ability to provide and guarantee enforcement. To date they are performed automatically using blockchain technology. Smart contracts are the subject of debate in many countries, primarily because issues have arisen in their legal enactment in the field of regulation of digital assets and the legal recognition of blockchain technology itself, which determined the purpose of this scientific research.*

For the purpose of a deeper understanding of the essence of this type of agreements, a historical method has been applied in the work on the features of the formation of smart contracts. To identify key differences, a formal legal and comparative analysis of smart contracts with classical contracts in electronic form was carried out. The areas of application of smart contracts in the world and in Russia, such as banking, healthcare, insurance and public services, were also studied.

Materials and methods. *The methodological basis of the study was made up of the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes, including systemic, historical, formal legal, comparative and analytical approaches.*

Results. *An assessment is made of such contracts from the point of view of the existing civil law of the Russian Federation and further directions for study and development are proposed, including the improvement of the regulatory and institutional environment to maintain legal certainty.*

Discussion and conclusion. *The existing legal regulation does not prohibit the use of smart contracts in the business practices of companies and individuals. But the simplicity of the transaction implementation algorithm built on the blockchain still requires some legal support.*

Elena B. Zavyalova,
Head of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership, MGIMO University under the MFA of Russia, Russia

Ekaterina I. Shumskaia, Senior Lecturer, Department of Economic Policy and Public-Private Partnership, MGIMO University under the MFA of Russia, Russia

Alexandra I. Shumskaia,
Urban Management Specialist, Moscow City University of Management, Russia.

Ключевые слова:
смарт-контракты, блокчейн, гражданское право, регулирование цифровых активов.

Keywords:
smart contracts, blockchain, civil law, regulation of digital assets.

References:

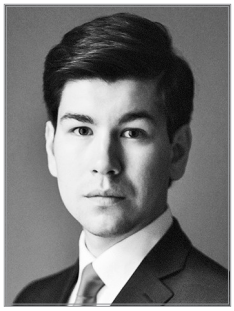
1. Savelyev A.I., 2017. Nekotorye pravovye aspekty ispolzovaniya smart-kontraktov i blokchein-tekhnologii po rossiiskomu pravu [Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies in Russian law]. *Zakon [Law].* № 5. P. 96-119.
2. Anderson, L., Holz, R., Ponomarev, A., Rimba, P., Weber, I., 2016. New kids on the block: an analysis of modern blockchains. *CoRR abs/1606.06530.* P. 91-96.
3. Cassano, J., 2014. What Are Smart Contracts? *Cryptocurrency's Killer App.*
4. Morris, D., 2016. Bitcoin is Not Just Digital Currency. It's Napster for Finance. *FORTUNE*.
5. Kaminska, I., 2016. Decentralised courts and blockchains. *FT Alphaville.*
6. Kim, H., Laskowski, M., 2016. Towards an ontology-driven blockchain design for supply chain provenance. *Proceedings of the Conference Paper for Workshop on Information Technology and Systems, WITS.*
7. Kuo, T. et al., 2016. ModelChain: Decentralized Privacy-Preserving Healthcare Predictive Modelling Framework on Private Blockchain Networks. *ONC/NIST Blockchain in Healthcare and Research Workshop, Gaithersburg, MD.*
8. Mason, S., 2017. Artificial intelligence: Oh really? And why judges and lawyers are central to the way we live now – but they don't know it. *Computer and Telecommunications Law Review.* Vol. 23. Issue 8. P. 213-225.
9. Mendelson, M., 2019. From Initial Coin Offerings to Security Tokens: A U.S. *Federal Securities Law Analysis.* Vol. 22, STAN. TECH. L. REV.
10. Szabo, N., 1997. Formalizing and securing relationships on public networks, First Monday 2.
11. Veerpalu, A., 2017. Regulation of Blockchain Technology and its Challenges. *Presentation at the ELSA Colloquium of IT LAW for PhD students and researchers.* University of Aix-Marseille.
12. Werbach, K., Cornell, N., 2017. Contracts ex machine. *Duke Law Journal.* (67).

Article

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Павел Добротворский*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-39-46



Введение. *Статья посвящена выявлению взаимосвязей между моделированием правового развития общественных отношений и глобальными проблемами человечества. Обосновывается необходимость применения методов моделирования в разработке механизмов регулирующего воздействия и важность учета современных мегатрендов в этом процессе. И хотя история изучения вопросов моделирования правового развития длится уже более полувека, установление взаимосвязей современных проблем с методами юридического прогнозирования является относительно новым направлением исследований.*

Материалы и методы. *Методологическую основу работы составили общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов, такие как метод исторического и логического анализа, структурный метод, аксиоматический метод и метод сравнительного правоведения. Использованы данные ООН по демографической динамике населения.*

Результаты исследования. *В статье представлена структурно-правовая модель достижения целей в области устойчивого развития ООН, в которой выделены два уровня: элабораторный и интегральный. В процессе проведения анализа установлены существенные взаимосвязи между современными глобальными проблемами и моделированием правового развития.*

Обсуждения и заключения. *В ходе обсуждения путей решений глобальных проблем в научной литературе указывается на важность совместных усилий для достижения искомого результата. По мнению автора, моделирование правового развития способно стать одним из действенных инструментов решения глобальных проблем современности.*

Введение

Во второй половине XX века был сформирован комплекс глобальных проблем, решить которые в рамках одного государства невозможно. Эта цель требует согласованных действий большинства стран мира. Сегодня мы наблюдаем за реализацией амбициозной повестки в области устойчивого развития на период до 2030 года[1], которая была принята в 2015 году на Генеральной ассамблее ООН представителями

* **Добротворский Павел Павлович,** аспирант кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России
e-mail: pavel.dobrotvorskiy@gmail.com.
ORCID ID: 0000-0002-8227-0244

[1] Резолюция №70/1 Генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. Электронный ресурс: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf

193 государств. Вследствие этого вопросы разработки правовых механизмов, помогающих достижению поставленных целей, являются актуальной проблемой современной науки.

В этом году в издательстве «Routledge» вышла книга Йонг-Шик Ли «Право и развитие: теория и практика»[2], в которой представлена общая теория права и развития. Это направление в науке изучает отношения между правом и социально-экономическим развитием. За последние 50 лет было проведено достаточно большое количество исследований по проблемам взаимодействия права и развития[3], однако до сих пор представленные гипотезы не стали теорией. Важно отметить, что в своем исследовании автор отождествляет понятия развития и прогресса [9. С. 419].

«Общая теория права и развития» Йонг-Шик Ли состоит из двух частей: в первой части характеризуются концепции права и развития, во второй части представлены механизмы регулирующего воздействия. Вторая часть теории состоит из трех разделов. В первом разделе уделяется внимание вопросам организации права, состоянию нормативно-правовой базы и государственным институтам применительно к конкретным целям развития. Второй раздел посвящен вопросам исполнения законов, указывается на важность экономических, культурных и политических факторов, а также исторических условий, влияющих на исполнение действующих норм. В третьем разделе делается упор на качество исполнения законов, рассматриваются вопросы обеспечения соблюдения нормативных требований, вопросы государственного потенциала (финансовых, технических, административных ресурсов, в т.ч., например, наличие в стране антикоррупционного законодательства) и политической воли.

За рамками «Общей теории права и развития» остались факторы внешней среды (социальные, экономические, политические, культурные и другие), влияющие на достижение социально-экономического прогресса. Изучение данных проблем является насущной проблемой современной науки, от решения которой зависит будущее человечества.

В данной работе представлена попытка установить наличие взаимосвязей между правовым и социально-экономическим развитием в контексте поиска оптимальных средств для решения глобальных проблем современности с использованием механизмов юридического прогнозирования, в частности, метода правового моделирования.

Исследование

В юридической науке под правовым развитием понимается процесс изменений и преобразований, который отображает состояние правовой культуры общества. Развитие права может оцениваться положительно в качестве прогрессивного или отрицательно, как правовой регресс, выражающийся в девиантном поведении и т.д. Прогрессивное развитие выражается не только в своем целенаправленном характере, но и обладает аксиологическим значением, предполагает наличие определенных ценностей.

Правовая культура представляет собой систему ценностей, которая принята в определенной общности для регулирования её деятельности. Таким образом, правовое развитие отражает доминирующую правовую культуру конкретного общества.

В англоязычной литературе право и развитие существуют в виде отдельной научной области, исследующей отношения между правом и социально-экономическим прогрессом. В качестве философской категории развитие заключается в наличии поступательного движения, эволюционном переходе от одного качества к другому. На сегодняшний день попытки создания универсальной теории развития, которые бы определяли его механизмы в любой произвольно взятой области, окончились безрезультатно.

Целью прогрессивного развития является достижение некоего блага, а в рамках общественных отношений – приобретение общественных благ. С экономической точки зрения общественные блага представляют собой товары и услуги, доступные всем членам общества без исключения. В конце XX века возникла концепция глобальных общественных благ, которая стала первой попыткой закрепления на международном уровне прав человека на доступ к получению базовых общественных благ. Представ-

[2] См.: Yong-Shik Lee, Law and Development: Theory and Practice. 2019. Routledge, 1-st edition. 198 P.

[3] См.: David M. Trubek. Law and Development 50 Years On. Legal Studies Research Paper Series Paper No.1212. International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences http://ssrn.com/abstract=2161899

Таблица 1. Население мира за период 1960 – 2050 гг. (в млн. человек)

Год	1960	1990	2020	2050
Численность населения	3032	5288	7795	9770

Источник: составлено на основе данных ООН. Электронная база данных: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/

ляется, что данная концепция стала одним из ответов на возникновение и стремительное распространение в то время глобальных проблем человечества, в первую очередь в сфере экологии.

Современные глобальные проблемы присутствуют во многих областях человеческой жизни. Они касаются вопросов военно-политической безопасности, затрагивают проблемы разрешения международных конфликтов, связаны с развитием мировой экономики и различных аспектов неравномерности экономического роста, доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам, развития научно-технической сферы и информационного пространства, состояния экологической сферы планеты, идеологии проходящих трансформаций и становления глобального правового пространства. Одним из первых глобальных вызовов человечества стала угроза демографического кризиса.

К 1960 году на Земле проживало чуть более 3 миллиардов человек. Темпы роста численности населения показывали, что к 2026 году произойдет кризис, вызванный перенаселенностью планеты [8]. В этой связи появились опасения, связанные с недостаточностью ресурсов, необходимых для обеспечения повседневных нужд всех жителей Земли. Тогда в рамках деятельности «Римского клуба» начали разрабатываться программы, направленные на регулирование численности населения. В ходе дальнейших исследований было установлено, что демографический кризис, предсказанный в рамках гиперболического закона роста численности населения, должен смениться демографическим переходом и привести к стабилизации численности населения планеты [7. С. 237].

Причинами демографического перехода явились факторы развития медицины и систем социального обеспечения, которые снижают уровень смертности и увеличивают продолжительность жизни, а также процессы урбанизации, приводящие к уменьшению рождаемости. Демографический взрыв второй половины XX века привел к тому, что за последние 50 лет численность населения планеты увеличилась более чем вдвое примерно с 3 млрд. человек в 1960 г. до 7 млрд. в 2010 г. (см. Таблицу 1). Вместе с ростом численности населения обострились существующие и возникли новые проблемы, многие из которых приобрели глобальный характер.

Начавшаяся во второй половине XX века информационная революция привела к образованию постиндустриального общества, основанного на знаниях, информации и технологиях. В экономическом плане мировое сообщество разделилось на развитые страны, развивающиеся государства и слаборазвитые регионы. К началу 1960 годов относится деятельность первого движения, направленного на модернизацию слаборазвитых стран. Институты развитых экономик (юридические практики, ценности, капиталы и др.) с помощью реализации программ специальных фондов и агентств должны были способствовать переходу от традиционных обществ к современным. Однако данная идея не смогла получить подтверждение на практике. Модернизация традиционных обществ в современные натолкнулась на существенные различия в социально-экономических, политических и культурных условиях жизни государств. Вторая попытка модернизации связана с прекращением действия Варшавского договора и распадом Советского Союза. В этот период на Западе доминировали идеи неолиберальной политики и монетарной экономической теории. Проводимые согласно неолиберальным принципам реформы в России, странах Латинской Америки и Азии привели к экономическим проблемам, ухудшению уровня жизни населения и экономической рецессии [9. С. 421-422].

Современные усилия по модернизации глобального сообщества связаны с деятельностью международных организации и в первую очередь Организации объединенных наций. Началом такой работы можно считать Стокгольмскую конференцию ООН по окружающей среде 1972 года. По результатам работы данной Конференции была принята «Программа организационных и финансовых мероприятий по международному сотрудничеству в области окружаю-

щей среды»[4]. В 1987 году Международная комиссия по окружающей среде и развитию выпустила доклад «Наше общее будущее»[5], в котором были определены проблемы по линии Человек – Природа и намечены возможные пути их разрешения. Доклад состоял из трех частей. В первой части описывались причины проблем окружающей среды, представлялась концепция устойчивого развития, выводились требования к субъектам отношений, характеризовалась роль международной экономики и обосновывалась необходимость создания условий для долговременного развития. Во второй части доклада были представлены глобальные проблемы, связанные с демографией, продовольственной безопасностью, экосистемами, энергетикой, промышленностью и урбанизацией. Третья часть была посвящена возможным совместным действиям участников мирового сообщества, обозначалась потребность в организационных и правовых изменениях и предлагались конкретные решения в отношении реформы системы права и управления. В данном докладе была озвучена необходимость устойчивого развития, под которым предполагалось согласование действий (масштабов эксплуатации ресурсов, движение капиталов, ориентиров технологического развития и институциональных изменений) с современными и будущими потребностями.

В 1992 году в г. Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию (известная как «Саммит Земли»), по результатам которой представители 178 государств приняли «Повестку дня на XXI век»[6], которая стала основой для последующей программы «Цели развития тысячелетия ООН» (ЦРТ) на период 2000 – 2015 годов. Пятнадцатилетняя программа Декларации тысячелетия ООН была направлена на развитие бедных и развивающихся стран и объединяла восемь целей: 1. Ликвидация крайней нищеты и голода; 2. Обеспечение всеобщего начального образования; 3. Поощрение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин; 4. Сокращение детской смертности; 5. Улучшение охраны материнства; 6. Борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями; 7. Обеспечение экологической устойчивости; 8. Формирование глобального партнёрства в целях развития.

Каждая из поставленных целей состояла из нескольких конкретных действий. Таким образом, программа ЦРТ заключила в себе 21 задачу и 60 индикаторов, необходимых для мониторинга прогресса. Реализация выработанных стратегий и конкретных мер была подкреплена не только политической волей мировых лидеров, но и необходимыми ресурсами, выделяемыми государствами-членами ООН через механизмы ООН. Так, для развитых стран были установлены рекомендуемые отчисления на уровне 0,7% валового национального дохода, для развивающихся стран - 0,2%.

В рамках реализации программы ЦРТ и были достигнуты некоторые положительные результаты, например, более чем вдвое удалось сократить число людей, проживающих в условиях крайней нищеты. Тем не менее, к 2015 году количество людей ежедневно страдающих от нищеты и голода (проживающих менее чем на 1,25 долл. США в день) оставалось огромным и оценивалось приблизительно в 836 млн. человек. В итоговом докладе по достижению ЦРТ было отмечено, что, «несмотря на многочисленные успехи, беднейшие и наиболее уязвимые слои населения не могут пользоваться достижениями прогресса»[7].

Успехи в реализации ЦРТ показали, что действия мирового сообщества в глобальном масштабе могут быть эффективными. В 2012 году за три года до завершения программы на Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио + 20» было приято решение о создании рабочей группы для разработки комплекса целей по устойчивому развитию на следующий 15-летний период (2016 – 2030 гг.). Итогом конференции 2012 года стал доклад «Будущее, которое мы хотим», а к 2015 году была сформирована новая программа, которая существенно расшири-

[4] Резолюция Генеральной ассамблеи ООН №2997 от 15.12.1972 г. Электронный ресурс: https://undocs.org/ru/A/RES/2997%28XXVII%29

[5] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития: «Наше общее будущее». Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf

[6] Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3 – 14 июля 1992 года. Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

[7] Цели развития Декларации тысячелетия ООН: доклад за 2015 год. Электронный ресурс: http://www.unic.ru/sites/default/files/MDGs%20Report_2015_Full%20text_RUS.pdf С.8

ла количество целей и задач, а также охват стран.

В 2015 году на Генеральной ассамблее ООН был принят новый документ «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Концепция устойчивого развития базируется на 3 основных элементах: экономическом росте, социальной интеграции и охране окружающей среды. Понятие устойчивого развития включает в себя в первую очередь способность удовлетворить потребности современного поколения без ущерба будущим поколениям и их возможным новым потребностям. Устойчивое развитие предполагает создание механизмов восстановления потребляемых природных ресурсов через разработку новых, в т.ч. «зеленых» технологий, бережное отношение к природе, развитие возобновляемых источников энергии и т.д.

Восемь ЦРТ были заменены 17 Целями устойчивого развития (ЦУР), а вместо 21 задачи периода 2000-2015 гг. были поставлены новые 169 задачи и около 240 показателей достижения поставленных задач. Если ЦРТ были рассчитаны на развивающиеся страны, то ЦУР является программным документом для всех стран, направленным на улучшение благосостояния и защиту планеты. Как и в программе ЦРТ, одним из необходимых условий устойчивого развития является искоренение нищеты во всех ее формах и проявлениях, для чего необходимо обеспечить поступательное, всеохватное и справедливое экономическое развитие, создать более широкие возможности для всех.

Программа устойчивого развития ООН состоит из 17 целей в области экономики, защиты окружающей среды, в социальной сфере. Одной из семнадцати целей устойчивого развития является способствование миру, правосудию и эффективным институтам. Хотя ЦУР и не обладают юридически обязывающей силой, предполагается, что правительства создадут национальные механизмы, способствующие их достижению. Если программа ЦРТ (2000 – 2015 гг.) была рассчитана на действие исключительно в рамках развивающихся и слаборазвитых стран, то ЦУР разработаны для применения во всех странах мира. Многие страны приняли на вооружение ЦУР для улучшения благосостояния своих граждан и защиты занимаемой ими территории.

В современном мире наблюдается стремительное развитие разноплановых процессов, которые активнейшим образом воздействуют на правовую сферу общественной жизни. В такой ситуации особое значение приобретают предсказательные возможности науки. В юридической науке используются различные методы прогнозирования, одним из которых является метод правового моделирования. Основой правового моделирования служит правовая модель исследуемого объекта. Под правовой моделью понимается «прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов, определяющий цели и средства формирования нового правового состояния и расчеты связанных с этим реальных результатов» [1. С. 11].

История правового моделирования началась в 1960-х годах, когда были проведены первые исследования в этой области. К середине 1960-х годов на Западе были завершены работы по разработке технологий прогнозирования, что привело к «буму прогнозов» [2. С. 45]. В 1970-1980 годах в связи с развитием средств автоматизации и вычислительной техники значительно возрос интерес к научным исследованиям, в т.ч. с применением математических методов в праве. Однако уже к 1990-м годам научно-экспертное сообщество пришло к пониманию того, что математические методы моделирования неэффективны при прогнозировании социально-экономических и политических процессов, в связи с чем произошел спад интереса к подобного рода исследованиям [5. С. 17-18]. По мнению Е.Н. Салыгина, на современном этапе узко нормативное понимание права, исключительно в качестве системы юридических понятий, сдерживает развитие правового моделирования [3].

В современной науке выработаны определенные подходы к вопросам классификации целей правового моделирования, уровней юридического прогнозирования и видов правовых моделей. Так, Ю.А.Тихомиров выделяет три возможных цели правового моделирования: 1. Отображение структуры и функций изучаемых объектов; 2. Поиск причинно-следственных связей отображаемых явлений; 3. Построение прогнозов[8]. К.В.Агамиров отмечает три уровня юридического прогнозирования: исследование стратегий развития законодательства

[8] См.: Тихомиров. Ю.А. Циклы правового развития. Журнал российского права №10 - 2008 г., стр. 15-22.

и правовой системы на первом уровне, конкретных отраслей и институтов на втором и правового поведения на третьем[9]. А.Ф. Черданцев разделяет правовые модели на три вида: идеологические, нормативные, реальные. Основой идеологических моделей служат философские идеи определенных общественных акторов, базис нормативных моделей составляют действующие правовые нормы, реальные модели основаны на информации о состоянии политико-правовых феноменов[10].

Сегодня можно констатировать, что в науке по большей части сформированы необходимые концепции, а также механизмы юридического прогнозирования, необходимые для поступательного и обоснованного развития правовой сферы государства и общества [6. С. 11]. Правовая модель отражает современное состояние и учитывает факторы экономического, социального и политического развития. Структуру правовой модели можно представить в виде пяти элементов, отражающих совокупность средств, необходимых для достижения целей правового регулирования:

1. Доктринальный - формирующий ценностную и идеологическую основу, а также формулирующий цель правового регулирования;
2. Концептуальный - отражающий задачи, границы и содержание правовых изменений;
3. Стратегический - включает совокупность методов, динамику правовых регуляторов, правовых норм и их содержания;
4. Программный - состоящий из серий мероприятий, необходимых для достижения поставленных целей;
5. Плановый - содержащий конкретные мероприятия с описанием предполагаемых результатов, возможных правовых рисков и дальнейшего правового мониторинга.

Особенность правового моделирования заключена также в специфике данных: необходимо учитывать не только устойчивые тенденции, но и возможность наличия неожиданных событий. Юридическое прогнозирование "будет успешным и оправданным только при условии правильного отражения объективных и основных явлений в экономической, социальной, научно-технической, культурной и экологической сферах общества" [6. С. 10].

Результаты исследования

Применительно к решению глобальных проблем современности возможно представить структурно-правовую модель достижения целей в области устойчивого развития и выделить два уровня её реализации: интернациональный (элабораторный), на котором происходит объединение коллективных усилий по разработке целей, задач и индикаторов их достижения; и национальный (интегративный), на котором правительства адаптируют и имплементируют заданные цели применительно к условиям конкретного государства.

Элабораторный уровень состоит из двух этапов и реализуется в рамках деятельности международных институтов. На первом этапе международное сообщество формирует глобальную повестку, определяет конкретные цели, выражающие доктринально-идеологические установки. На втором этапе каждая цель (устойчивого развития) преобразуется в набор задач, формирующих концепцию, содержание и границы правового регулирования. На сегодняшний день цели в области устойчивого развития содержат 169 задач и 240 показателей, отражающих динамику их достижения.

Интегративный уровень состоит из трех этапов. Первоначально правительства адаптируют глобальные цели и задачи под местные условия и разрабатывают национальные стратегии, направленные на достижение намеченных результатов. В России разработкой этого вопроса занимаются различные институты, в т.ч. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. В 2016 году очередной доклад о развитии человеческого капитала в России был посвящен вопросам достижения в нашей стране целей в области устойчивого развития[11]. В данном докладе представлен комплексный анализ ЦУР применительно к современным российским реалиям.

На последних двух этапах (программном и плановом) национальные стратегии преобразуются в государственные программы, а органы исполнительной власти реализуют

[9] См.: Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика: монография. М., 2015. 406 С.

[10] См.: Черданцев А.Ф. Логико - языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. с. 224.

[11] Доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации о человеческом капитале "Цели устойчивого развития ООН и Россия». Электронный ресурс: http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf

планы конкретных мероприятий. Последние исследования потенциала реализации целей устойчивого развития в России отмечают необходимость повышения уровня системности и наличие существенного «ресурса повышения эффективности достижения ЦУР на основе реализации комплексного подхода, обеспечивающего единство и сбалансированность социальных, экономических и экологических аспектов» [4].

Заключение

В рамках данной работы были установлены существенные взаимосвязи между моделированием правового развития общественных отношений и глобальными проблемами человечества, показана необходимость учета современных мегатрендов и применения методов моделирования в разработке механизмов правового регулирования. Цели устойчивого развития ООН разработаны в виде структурно-правовой модели, в которой выделены элабораторный и интегральный уровни. По мнению автора, моделирование правового развития имеет большой эвристический потенциал для дальнейших исследований и способно стать одним из инструментов, повышающих эффективность достижения целей устойчивого развития и решения глобальных проблем современности.

Стоит отметить, что за рамками данной работы остались вопросы генезиса глобальных проблем, правового мониторинга и другие важные аспекты, которые оказывают влияние на динамику данных процессов. Можно надеяться на то, что тема взаимодействия права, социально-экономического развития и методов юридического прогнозирования, будет и в дальнейшем привлекать внимание научного сообщества и широкой общественности для развития теоретических положений и практического применения.

Литература:

1. Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др. / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. XIV. М., 2014.
2. Рабочая книга по прогнозированию / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М., 1982.
3. Салыгин Е.Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12–35.
4. Сахаров А.Г., Колмар О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 189–206. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11.
5. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М., 2013.
6. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2018.
7. Эвристичные парадоксы теоретической демографии С.П. Капицы. European Researcher. 92 (3). 237-248. 2015.
8. Foerster, H. von, Mora P., Amiot Doomsday L. Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia // Science. 1960. No 132. P. 1291-1295.
9. Yong-Shik Lee, General Theory of Law and Development // Cornell International Law Journal. Vol. 50. 2017. P. 415 - 471.

LEGAL DEVELOPMENT MODELLING IN THE CONTEXT OF GLOBAL ISSUES

Introduction. *The article is devoted to identification of interrelations between the modeling of legal development of public relations and global issues. The necessity of using modeling methods in the development of regulatory impact mechanisms and the importance of taking into account modern megatrends in this process are substantiated. Although the history of researching legal development modeling accounts for more than half a century, the establishment of the relationship of modern problems with the methods of legal forecasting is a relatively new area of research.*

Materials and methods. *The methodological basis of the work consists of general scientific and*

special methods of knowledge of legal phenomena and processes, such as the method of historical and logical analysis, the structural method, the axiomatic method and the method of comparative law. The UN data on demographic dynamics of the population are used.

*R**esearch results.** The article presents a structural and legal model for achieving the UN sustainable development goals, which comprises two levels: elaborative and integral. In the course of the analysis significant interrelations between modern global problems and legal development modeling have been established.*

***Discussion and conclusions.** The discussion of solutions to global problems in the scientific literature highlighted the importance of joint efforts to achieve the desired result. According to the author, legal development modeling can become one of the effective tools for solving current global problems of our time.*

Pavel P. Dobrotvorsky,
Postgraduate Researcher,
MGIMO(University) under the
MFA of Russia.

Ключевые слова:

правовое развитие, правовая культура, правовое моделирование, юридическое прогнозирование, общественные блага, глобальные проблемы человечества, устойчивое развитие, модернизация.

Keywords:

legal development, legal culture, modelling in law, legal forecasts, public goods, global issues, sustainable development, modernization.

References:

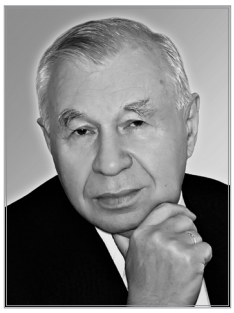
1. Pravovye modeli i real'nost': monografija [Legal models and reality: monograph]. O.A. Akopjan, N.V. Vlasova, S.A. Gracheva i dr.. *Otv. red. Ju.A. Tihomirov, E.E. Rafaljuk, N.I. Hludeneva.* XIV. Moscow, 2014.
2. Rabochaja kniga po prognozirovaniju [Workbook on forecasting]. *Otv. red. [Resp. edited by] I.V. Bestuzhev-Lada.* Moscow, 1982.
3. Salygin E.N., 2013. Modelirovanie v prave: problemy i perspektivy. [Modeling in law: problems and prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Law. Journal of Higher school of Economics].* № 3. S. 12-35.
4. Saharov A.G., Kolmar O.I. Perspektivy realizacii Celej ustojchivogo razvitija OON v Rossii [Prospects of implementation of the UN Sustainable development goals in Russia]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [Bulletin of international organizations].* T. 14. № 1. S. 189–206. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11
5. Strategicheskij global'nyj prognoz 2030. Rasshirennyj variant [Strategic global forecast 2030. Extended version]. *Pod red. akad. A.A.Dynkina.* IMEMO RAN. Moscow, 2013.
6. Tihomirov Ju.A., 2018. Juridicheskoe prognozirovanie [Legal forecasting]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF [Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation].
7. Jevristichnye paradoksy teoreticheskoi demografii S.P. Kapicy [Heuristic paradoxes of theoretical demography of S. P. Kapitsa]. *European Researcher.* 92 (3). 237-248. 2015.
8. Foerster, H. von, Mora P., Amiot Doomsday L., 1960. Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia. *Science*. No. 132. S. 1291-1295.
9. Yong-Shik Lee, 2017. General Theory of Law and Development. *Cornell International Law Journal.* Vol. 50. P. 415-471.

Article

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Валентин Гончаров*
Виктория Тисунова**
Ольга Дрозняк***

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-47-54



Введение. *В статье приведены основные составляющие работы механизма реализации кадровой политики в государственных учреждениях Луганской Народной Республики. Анализ особенностей функционирования механизма реализации кадровой политики на современном этапе развития общественных отношений дает основание для использования соответствующих экономико-политической ситуации мотивационных мероприятий с целью повышения эффективности кадровой работы.*

Материалы и методы. *В процессе исследования использован комплекс философских, общенаучных и специальных методов и приемов, а именно: критический и аксиоматический метод, метод анализа и синтеза, структурно-функциональный метод, абстрагирование; дедукция и индукция, статистические и эконометрические методы; общелогические методы и приемы – для формирования научных выводов и результатов исследования.*

Результаты исследования. *В процессе анализа работы механизма реализации кадровой политики в государственных учреждениях Луганской Народной Республики было установлено, что ее координация осуществляется в рамках действующего законодательства, с целью улучшения ситуации в секторах демографической политики, политики в сферах занятости и рынка труда, образования и науки, здравоохранения, культуры и воспитания. Однако в процессе*

* **Гончаров Валентин Николаевич,** доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия и управления трудовыми ресурсами Луганского национального аграрного университета, г. Луганск
e-mail: vgonch@lnau.su
ORCID ID: 0000-0002-2990-8026
** **Тисунова Виктория Николаевна,** доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и экономической безопасности Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск
e-mail: tisunova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4576-5379
*** **Дрозняк Ольга Владимировна,** кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск
e-mail: bondarenkoov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8719-0190

реализации основных направлений кадровой политики не в полной мере были учтены особенности экономико-политической ситуации в стране на современном этапе. Таким образом, с целью улучшения кадровой работы в республике был предложен к использованию перечень систематизированных мероприятий по повышению уровня мотивации среди государственных служащих с учетом существующих реалий.

Обсуждение и заключение. *Исследование показало, что для успешного проведения кадровой работы в органах государственного управления республики, крайне важно обосновать внедрение системы нематериальной мотивации для уже работающих сотрудников и соответствующие современным реалиям изменения в процессе подбора кадров как составляющих механизма реализации кадровой политики в государственных учреждениях Луганской Народной Республики.*

Введение

В современных условиях государственного строительства на территории Луганской Народной Республики (ЛНР)особенную актуальность приобретают проблемы формирования и реализации кадровой политики государства, ведь человеческий капитал признан самым ценным ресурсом любого общества (то есть намного важнее, чем природные ресурсы и накопленное богатство), кроме этого, именно человеческий капитал, а не материальные средства общественного производства является краеугольным камнем конкурентоспособности общества, а также ключевым фактором экономического роста и повышения эффективности общественного развития в целом. Анализ научной литературы свидетельствует о наличии значительного количества работ отечественных и зарубежных ученых, касающихся вопросов государственной кадровой политики. Отдельные аспекты формирования и перспектив развития государственной кадровой политики рассматривают В. Аверьянов, В. Бакуменко, В. Гошовская, Ю. Ковбасюк, В. Князев, В. Луговой, В. Малиновский, А. Оболенский, В. Олуйко, Л. Пашко, С. Серегин, и др. [3. С. 64]. Однако создание механизма реализации государственной кадровой политики – это все еще сложная теоретическая проблема, которая требует дальнейших научных исследований.

Исследование

Основная идея современной кадровой политики состоит в изменении характера взаимоотношений государства и человека, речь идет о социальном партнерстве в области обеспечения профессиональной и интеллектуальной самореализации личности на основании взаимной ответственности. С целью обеспечения проведения эффективной кадровой политики в государстве возникает необходимость в создании актуальных механизмов и технологии работы с кадровым потенциалом, которые бы способствовали оптимизации кадровой деятельности на основании существующей законодательной базы [2. С.17].

Структуру нормативно-правовой базы обеспечения реализации кадровой политики ЛНР составляют: конституционные положения, законы республики, подзаконные нормативно-правовые акты, принятые во исполнение по общим вопросам государственного управления, государственной кадровой политики и государственной службы[1].

Таким образом, механизм формирования и реализации кадровой политики республики должен осуществляться на основании системной деятельности, которая сочетает научно – методологические, политико – правовые, экономические, социальные, организационные, морально – психологические и социокультурные аспекты. Соответственно,

[1] Закон «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики» (с изменениями, внесенными Законами Луганской Народной Республики от 04.09.2015 № 62-II, от 12.08.2016 № 114-II, от 22.01.2018 № 205-II, от 02.02.2018 № 210-II). URL: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/984/ (дата обращения: 19.09.2019)

механизм реализации кадровой политики в государственном управлении включает: постоянную координационную деятельность государства, прежде всего в секторах демографической политики, политики в сферах занятости и рынка труда, образования и науки, здравоохранения, культуры и воспитания с целью создания предпосылок для реализации кадровой политики в государственном управлении.

На современном этапе развития общественных отношений, механизм реализации государственной кадровой политики в органах государственной службы ЛНР включает в себя следующие составляющие:

- планирование кадрового потенциала;
- формирование кадрового резерва;
- подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников;
- контролирование кадрового обеспечения;
- разработка информационных, инструктивных материалов и практических рекомендаций, которые направлены на дальнейшее совершенствование кадровой работы.

Так, с 2016 года на территории республики проводится конкурсный отбор среди студентов Вузов экономических и юридических специальностей в рамках проекта «Кадровый резерв» с целью выявления лучших и наиболее талантливых ребят для дальнейшего их включения в реестр проекта. Те студенты, которые были зачислены в представленный реестр, получают возможность пройти дополнительное обучение в «Школе кадрового резерва» и быть рекомендованными к трудоустройству в государственных органах управления ЛНР[2]. Однако парадокс ситуации заключается в том, что самая одаренная и перспективная молодежь в основной своей массе предпочитает естественную трудовую миграцию в связи с постоянно ухудшающимися экономико-политическими условиями жизни, что в целом обесценивает проведение подобного рода мероприятий на территории ЛНР и не решает проблемы нехватки высококвалифицированных кадров в системе органов государственного управления. Следовательно, на современном этапе более целесообразным и экономически обоснованным было бы улучшение обеспечения уже работающих сотрудников государственных учреждений ЛНР.

В качестве примера функционирования некоторых составляющих механизма реализации кадровой политики республики, можно проанализировать результаты проведенного кадрового аудита в Министерстве юстиции ЛНР по состоянию на 01 июля 2018 года. Основанием для анализа послужили: численность и категории персонала, пол и возраст, стаж работы, текучесть кадров, причины увольнений. Результаты проверки свидетельствуют о том, что за четыре года наметилась тенденция к максимальному обеспечению Министерства юстиции республики персоналом, в том числе кадрами с юридическим образованием. Согласно штатному расписанию на 2018 год в Министерстве юстиции ЛНР - 1016 штатных единиц, из них в аппарате - 184 должности, в территориальных подразделениях – 842. Фактически замещают должности 958 специалистов и работников: 197 – в аппарате, 761– на территориях. Изменения в штатной численности в динамике представлены в таблице 1.

Из приведенных цифр видно, что дефицит в кадрах и в аппарате Министерства юстиции ЛНР в 2015 году составлял 21%, в 2016 году – 15%, в 2017 году – 6%, а по состо-

Таблица 1. Изменения штатной численности сотрудников Министерства юстиции ЛНР за 2015 - 2018 г. г. (чел.)

Год	Количество штатных должностей в аппарате Министерства юстиции		Количество штатных единиц в территориальных органах		Всего по Министерству юстиции ЛНР	
	штат	факт	штат	факт	штат	факт
2015	179	142	1024	534	1203	676
2016	179	152	846	611	1025	763
2017	184	173	842	752	1026	925
2018	214	204	802	761	1016	965

[2] Об утверждении Положения о кадровом резерве государственного органа Луганской Народной Республики с изменениями и дополнениями: указ Главы ЛНР от 20 августа 2016 г. № 470/01/08/16: от 21.11.2016 №764/01/11/16: от 21.11.2016 №765/01/11/16. URL: https://mintrudlnr.su/akti/162-polozhenie-i-ukaz-o-kadrovom-rezerve-gosudarstvennogo-organa-luganskoy-narodnoy-respubliki.html (дата обращения: 11.04.2019)

янию на 01.07.2018 года – 5%, т.е. кадровый дефицит практически преодолен. В территориальных органах некомплект выше, но за счет кадрового резерва он снизился с 48% до 5% (соответственно: 2015 год – 48 %, 2016 год – 28%, 2017 год – 11% и 2018 год – 5%).

Среднесписочная численность персонала в Министерстве юстиции ЛНР составила за 2015 год– 370 человек, за 2016 год – 739 человек, за 2017 год – 819 человек, по состоянию на 01.07.2018 – 824 человека. Движение кадров в Министерстве юстиции республики (количество принятых и уволенных за 2015 – 2017 годы) представлено в таблице 2.

Из приведенных цифр видно, что количество уволенных в 2016 и 2017 годах возросло в сравнении с 2015 годом, что говорит о неудовлетворенности работников оплатой труда и ограничениями, связанными с работой на государственной гражданской службе. Из 118 государственных гражданских служащих, уволенных в 2017 году, - 58% расторгли контракты по соглашению сторон, 36% – по собственной инициативе, 6% – по истечении срока действия служебного контракта. Уволенных специалистов по отрицательным мотивам нет.

Таблица 2. Движение кадров в Министерстве юстиции ЛНР за 2015- 2017 г.г.

Год	Аппарат Министерства (чел.)		Территориальные подразделения (чел.)		Всего по Министерству юстиции (чел.)	
	Количество принятых	Количество уволенных	Количество принятых	Количество уволенных	Количество принятых	Количество уволенных
2015	68	12	477	39	545	51
2016	24	33	492	191	516	224
2017	28	16	204	102	232	118

Показатели динамики текучести кадров в Министерстве юстиции республики представлены в таблице 3.

Таблица 3. Динамика текучести кадров в Министерства юстиции ЛНР за 2016-2018 г. г.

Показатели	2016 год	2017 год	2018 год
Коэффициент текучести кадров	30%	14%	11%

Ввиду снижению коэффициента текучести кадров очевидно, что основной состав коллектива Министерства юстиции ЛНР сформировался и можно говорить о наметившейся кадровой стабильности.

Распределение работников Министерства юстиции республики по полу на 01.07.2018 года следующее, - 39 % специалистов составляют мужчины, 61 % – женщины. Результаты анализа кадрового состава Министерства юстиции республики относительно возрастных характеристик представлены в таблице 4 и составляют: в 2016 году – 34 % государственные гражданские служащие в возрасте до 30 лет, 37% – в возрасте от 30 до 40 лет; в 2017 году - 28 % - служащие в возрасте до 30 лет и 43 % – в возрасте от 30 до 40 лет. В таблице 4 приведен анализ распределения работников Министерства юстиции ЛНР в соответствии с их возрастными характеристиками.

Таблица 4. Распределение работников Министерства юстиции ЛНР в соответствии с их возрастными характеристиками

Количество работников в возрасте / год	менее 30 лет	от 30 до 40 лет	от 40 до 50 лет	от 50 до 60 лет	свыше 60 лет
2016	218	238	123	68	2
2017	204	319	141	68	3

Кадровый состав Министерства юстиции республики разнообразен в зависимости от стажа работы. Так, лишь 25 % служащих имеют страховой стаж менее 5 лет и только 25 % служащих имеют стаж государственной службы более 5 лет (табл. 5).

Анализируя кадровый состав Министерства юстиции республики по квалификационному уровню, отметим, что в 2016 году из 665 государственных гражданских служащих 596 имели высшее образование (90 %), из них 432 – высшее юридическое, что составляло 65%. В 2017 году из 745 государственных гражданских служащих – 638 человека имели высшее образование – 86%, из них высшее юридическое – 62%.

Таблица 5. Распределение государственных гражданских служащих Министерства юстиции ЛНР по стажу работы

	менее 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 10 лет	свыше 10 лет
Страховой стаж (%)	15	12	25	48
Стаж государственной службы(%)	67	8	12	13

На основании проведенного анализа количественной и качественной структуры персонала Министерства юстиции Луганской Народной Республики можно говорить о преобладании сотрудников женского пола с высшим профессиональным образованием, в основном до 40 лет, со стажем работы от 5-ти лет и выше. Соответствующий стаж и опыт работы, стойкая жизненная позиция, наличие необходимых знаний и умений являются отличительными чертами сложившегося коллектива, где более зрелые специалисты, несмотря на отсутствие законодательной базы по вопросам организации наставничества, могут выступать в роли «наставников». И поскольку работа в Министерстве юстиции требует высокого профессионального владения специальными знаниями, то именно «наставники» помогают их освоению, закреплению и развитию.

С целью определения удовлетворенности используемых мотивационных мероприятий был проведен опрос среди служащих представленного министерства, результаты которого нашли свое отображение в таблице 6.

Таблица 6. Удовлетворенность персонала Министерства юстиции ЛНР используемыми мотивационными мероприятиями

Составные элементы мотивации	Удовлетворенность составными элементами
Предоставление форменной одежды	18%
Отпуск от 30 календарных дней, дополнительные отпуска, социальные отпуска	52%
Поздравление сотрудников с днем рождения	30%
Медицинский профилактический осмотр	36%
Путевки в пионерские лагеря, отдых, экскурсии	60%
Обучение, повышение квалификации	60%
Участие в конкурсах, квалификационных экзаменах	47%
Оплата больничных листов	17%
Оптимизация организации рабочего места	43%

На основании данных, приведенных в таблице 6, можно сделать выводы о том, что некоторые составные элементы мотивации уже не являются актуальными для сотрудников. Следовательно, возникает необходимость в разработке новых государственных программ и проектов, которые должны включать в себя перечень мероприятий, способствующих повышению уровня заинтересованности работников государственной службы республики.

Результаты исследования

На данном этапе развития политической и экономической ситуации в ЛНР широкое применение материальных стимулов для служащих государственных учреждений является затруднительным. Поэтому использование некоторых составляющих системы нематериальной мотивации может быть вполне эффективным. В качестве примера можно привести:

- гибкий график, (что актуально для женской части коллектива, воспитывающих детей в возрасте до 3-х лет, для матерей-одиночек (одним удобнее раньше начинать, другим – позже заканчивать работу, чтобы вовремя отвести (привести) ребенка в детский сад или школу));
- персональный участок работы (речь идет о возможном изменении статуса сотрудника, назначенного ответственным за определенное направление работы, кроме этого служащим приобретается бесценный управленческий опыт);
- индивидуальный подход при организации и проведении конкурсных процедур;
- поддержка стремления к личностному росту (при подготовке заявок сотрудников на повышение квалификации можно дать возможность самостоятельно выбирать

интересную для себя тему и посещать соответствующие курсы в рабочее время за счет бюджетных средств);

- участие в заседаниях, совещаниях (известно, что для рядового сотрудника приглашение и представление, как специалиста, повышает его значимость в собственных глазах и в глазах коллег);
- право первого выбора (сотруднику, которого нужно поощрить, можно предложить первому выбрать время для отпуска или одно из направлений работы отдела (управления));
- персональная помощь (нужно откликаться на просьбы работников, например, написать отзыв на дипломную работу, оформить прохождение практики по месту работы);
- обращение за советом (сотруднику будет приятно чувствовать себя значимым и полезным);
- публичная благодарность, признание успехов работников;
- правильная постановка задачи, относительная свобода и ответственность за ее выполнение тоже отлично мотивируют;
- своевременная выплата заработной платы.

Применительно к уже работающим сотрудникам, такие меры будут достаточно оправданными и незатратными. Кроме этого, ввиду уже сложившейся ситуации в области формирования кадрового резерва, существует необходимость в создании более объективной системы подбора кадров. Например, использование конкурсного отбора, как одного из способов реализации кадровой политики в ЛНР имеет как положительные моменты, так и отрицательные. С одной стороны, это один из самых демократических способов подбора кадров, поскольку в процессе его проведения реализуется право доступа каждого гражданина республики к работе в органах управления, но с другой стороны, несовершенство проведения конкурса обусловлено общепринятыми требованиями указанных теоретических основ подбора персонала. Так, члены конкурсной комиссии в своем большинстве не являются психологами и специалистами по кадровой работе, а перечень методов отбора претендентов не отличается высоким уровнем профессионализма в этой области. Порядок проведения конкурса регламентирует определение только профессионального уровня участников, особенности характера человека, его моральные качества при этом, как правило, не учитываются. Кроме этого, вызывает недоумение монополизация руководством того или иного органа государственного управления права на перемещение, аттестацию и набор служащих, что порождает достаточно заметный субъективизм в оценке деловых и моральных качеств сотрудников. Вследствие этого и возникает так называемое «кумовство» и серьезные опасения у реальных претендентов в целесообразности личного участия в подобном конкурсе. Таким образом, с целью объективной оценки процесса проведения кадрового набора в государственные учреждения ЛНР целесообразно создавать отделы кадрового менеджмента, в состав которых есть смысл ввести опытных психологов, которые, кроме всего прочего, смогли бы внедрить, а затем и использовать электронную базу претендентов с помощью Internet. Это помогло бы обеспечить оперативность подбора персонала путем изучения личных карточек и автобиографии лиц, которые хотели бы работать на должностях государственных служащих.

Заключение

Поскольку процесс реализации кадровой политики тесно связан с вопросами реформирования общественных отношений в республике, то должно быть учтено современное состояние ЛНР, имеющиеся потребности и перспективы развития общества. Если речь идет о социальном аспекте, то нужно учитывать достижение высокого уровня развития человеческого потенциала республики, удовлетворение ожиданий населения относительно профессиональной самореализации, достойной оплаты труда; если об экономическом аспекте, то существует объективная необходимость в: обеспечении всех отраслей общественного производства квалифицированными кадрами, повышении уровня благосостояния населения; в институциональном аспекте - совершенствование нормативно-правовой базы с целью внедрения новейших подходов в кадровом менеджменте; в организационном аспекте - развитие системы управления трудовыми ресурсами на принципах социального диалога и партнерства государства со своими гражданами.

Литература:

1. Амосов А.Ю. Процесс формирования и развития рабочих кадров на предприятии: теоретический аспект // Теория и практика государственного управления: сб. науч. тр. Х., 2014. Вып. 4 (47). С. 165-168.
2. Государственная кадровая политика в Украине: состояние, проблемы и перспективы развития наук. Киев, 2012.
3. Государственная служба. Т. 1. Киев, 2012.
4. Государственная служба в Украине: социально-правовой и организационный аспекты. Киев, 2011.
5. Государственное управление. Т. 2. Днепр, 2013.
6. Emelyanov S. The leading role of human capital in the process of countries' progressive economic development // Economic Annals-XXI. 2016. Vol. 157. Issue 3-4 (1). P. 19-21.
7. Klymchuk A. The labor assessment in forming the enterprise personnel's motivation // Naukovyi Visnyk NHU. 2018. № 3. URL: http://www.nvngu.in.ua/index.php/en/authors-and-readers/terms-of-subscription/1599-engcat/archive/2018/contents-3-2018/economy-and-management/4442.
8. Охотский Е.В. Государственный служащий: статус, профессия, призвание. М., 2011.

PERSONNEL POLICY IMPLEMENTATION IN THE GOVERNMENT INSTITUTIONS OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Introduction. *Topical issues regarding the implementation of personnel policy in the government institutions of the Lugansk People's Republic are presented and explored in the article. The analysis of the features of the personnel policy implementation at the present stage of development of social relations provides a basis for using relevant motivational measures to improve the effectiveness of personnel work.*

Materials and methods. *In the research process, a complex of philosophical, general scientific and special methods and techniques was used, namely: critical and axiomatic method, method of analysis and synthesis, structural and functional method, abstraction; deduction and induction, statistical and econometric methods; general logical methods and techniques for forming scientific conclusions and research results.*

Results of the study. *The analysis of the personnel policy implementation in public institutions in the Lugansk People's Republic found that its coordination is carried out within the framework of the current legislation in order to improve the situation in the demographic, employment and labor market, education and science, health, culture and moral upbringing fields. However, in the process of implementing the main directions of the personnel policy, the features of the economic and political situation in the country at the present stage were not fully taken into account. Thus, in order to improve personnel work in the republic a list of systematic measures to increase motivation among public servants was proposed for use, taking into account existing realities.*

Discussion and conclusions. *The study showed that in order to successfully carry out personnel work in the government of the republic, it is extremely important to justify the introduction of a system of non-material motivation for existing employees and the changes corresponding to modern realities in the process of selecting personnel as components of the implementation of personnel policies in government institutions of the Lugansk People's Republic.*

Valentin Goncharov,
Doctor of Economic Science, Professor, Head, Department of Enterprise Economics and Human Resources Management, Lugansk National Agrarian University" (LNAU), Lugansk

Victoriia Tisunova,
Doctor of Economic Science, Professor, Head, Department of management and economic security, Lugansk Vladimir Dahl National University, Lugansk

Olga Drozniak,
Candidate of Economic Science, Associate Professor, Department of management and economic security, Lugansk Vladimir Dahl National University, Lugansk.

Ключевые слова:
кадровая политика, эффективность, мотивация, гражданские служащие, кадровый резерв, кадровое обеспечение, кадровое планирование, персонал.

Keywords:
personnel policy, efficiency, motivation, civil officials, personnel reserve, staffing, personnel planning, personnel.

References:

1. Amosov A. Ju., 2014. Process formirovanija i razvitija rabochih kadrov na predprijatii: teoreticheskij aspect [The process of formation and development personnel at the enterprise: theoretical aspect]. Teorija i praktika gosudarstvennogo upravlenija [Theory and practice of public administration]: *Sbornik nauchnykh trudov [Collection of scientific papers]* Kharkiv. № 4 (47). P. 165-168.
2. Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Ukraine: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya nauk [State personnel policy in Ukraine: position, problems and prospects of science development]. Kyiv, Natsional'naya akademiya gosudarstvennogo upravleniya [National Academy of Public Administration]. 2012.
3. Gosudarstvennaja sluzhba [Public service]. Vol. 1. Kyiv, Natsional'naya akademiya gosudarstvennogo upravleniya [National Academy of Public Administration]. 2012.
4. Gosudarstvennaja sluzhba v Ukraine: social'no-pravovoj i organizacionny jaspekty [Public service in Ukraine: social, legal and organizational aspects]. Kyiv, Natsional'naya akademiya gosudarstvennogo upravleniya [National Academy of Public Administration]. 2011.
5. Gosudarstvennoe upravlenie [State administration]. Vol. 2. Dnepropetrovsk, Natsional'naya akademiya gosudarstvennogo upravleniya [National Academy of Public Administration]. 2013.
6. Sergey Emelyanov, Natalia Nekrasova, 2016. The leading role of human capital in the process of countries' progressive economic development. *Economic Annals- XXI.* Volume 157. Issue 3-4 (1). P. 19-21.
7. Klymchuk A., 2018. The labor assessment in forming the enterprise personnel's motivation. *Naukovyi Visnyk NHU.* № 3. URL : http://www.nvngu.in.ua/index.php/en/authors-and-readers/terms-of-subscription/1599-engcat/archive/2018/contents-3-2018/economy-and-management/4442.
8. Ohotskii E.V., 2011. Gosudarstvennyi slujaschii: status, professiya, prizvanie [Public servant: status, profession, vocation]. Moscow.

Article

ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО ЯВЛЕНИЯ

Валерий Воробьев*
Роман Илиев**

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-55-63

Введение. *Многовековая история государства и политических протестных движений, как их двигателей, указывает на интересную закономерность. Участников, инициаторов и руководителей не интересуют глубинные причины, вызывающие протесты. Меняются формы и содержание управления, социально-политические системы, но в любом случае все важные решения продолжает принимать узкий круг людей.*

Материалы и методы. *В ходе исследования использовался сравнительно-правовой и системный методы, различные материалы.*

Результаты исследования. *Политические решения открыто или завуалированно грозят исполнителям наказанием за невыполнение. Однако страдания и потери за ошибочные решения, как правило, всегда несут только они.*

Обсуждение и заключение. *Политическое решение основано по Гегелю «на субъективных целях и мнениях, на субъективном чувстве и частном убеждении, ведущих к уничтожению как внутренней нравственности, добропорядочности и совести, любви и права в отношениях между частными лицами, так и публичного порядка и государственных законов, не ограниченных правовыми нормами и не сдерживаемых общественными институтами». Того же мнения, что политика выражает «стремление лиц, находящихся во власти, к обладанию ею, что обеспечивает им контроль над обществом и получение личных благ», придерживались известные ученые: Вебер, Дюверже, Бентам и многие другие. Термин «политика» в его современном понимании, возник по недоразумению. Для придания приличествующего обоснования праву государя принимать решения по своему предпочтению и капризу был привлечен авторитет Аристотеля. В III веке н.э. Аристотель использовал в своем сочинении слово «политика», которое в то время означало «государство» («полития» - правление большинства, у Аристотеля использовалось как название конкретной формы государства – республики). Ныне во многих контекстах слово «политика» употребляется по принципу взаимозаменяемости – наряду с терминами «политическая система» или «государство», а отсутствие знаний о закономерностях заменено описанием произошедших или вымышленных событий в жизни властей и гаданиями о будущих событиях.*

* **Воробьев Валерий Павлович,** Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
e-mail: valerivorobiev4@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0199-7239
** **Илиев Роман Лазаревич,** Президент фонда по изучению гражданского общества и человеческого капитала «Синергетика»
e-mail: Iliev.moscow@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8527-0266

Исследование

Не время ли закончить политическую игру с человеческими судьбами?

Во-первых, **нужно** закончить политическую игру.

Развитие технологий и технических устройств, тысячекратно увеличивших силы человека - одного из самых слабых представителей животного мира, — оказалось возможным благодаря науке, которая раскрывала законы природы и создавала механизмы их использования человеком. Естествознание и наука о технологиях и технических устройствах развивались вопреки ограничениям мистики и идеологии, которые создавали политики.

Но общественные науки и философия испытывали и продолжают испытывать постоянные трудности, если не в саморазвитии (в ряде государств сняты ограничения на свободу мышления), то в распространении и реализации новых идей. Чудом можно назвать развитие законов экономики. Остальные отрасли общественных наук длительное время находятся в глубоком кризисе, конца которому не видно.

Уничтожение фашизма в Германии и милитаризма в Японии и крах СССР не привели в мире к искоренению коллективистских идеологий — ***uber alles*** (мы - превыше всех). Более половины населения земного шара продолжает жить при теократических режимах, поскольку религии признаны государственными, и религиозные политические партии входят во власть. Европе потребовалось 600 лет войн и сотни тысяч жертв, России более 200 лет, США — 10 лет (Первая поправка к Конституции) для отделения религии от управления государством, и это вовсе не означает запрета верующему человеку участвовать в работе во власти, а неверующему – не даёт права быть неуважительным при посещении храма.

До сих пор не искоренена идеология политического лидерства, которая все больше подкрепляется в условиях соперничества государств. Вместо решения неотложных социальных задач при катастрофически растущем населении отсталого «мирового Юга» идет открытая подготовка к великому противостоянию. Как красноречиво заметил Г. Киссинджер: «Слышны ее барабаны» [Киссинджер, 2017. С. 15].

На развитие отсталых стран постоянно не хватает ни средств, ни мозгов - глобальная машина разъединения людей скупает таланты, готовя их для создания средств массового уничтожения или для оправдания использования этих средств. Сохранение существующего положения в управлении государством и геометрический рост человечества при высоких темпах развития технологий и техники ведет к исполнению предвидения И. Канта; «человечество успокоится на общем кладбище», исчезнет как один из видов живых существ, появится еще одна тупиковая ветвь эволюции живой природы.

Во-вторых, **можно** остановить игры с человеческими судьбами.

Ныне известны два средства для предотвращения печального исхода: политический протест, идущий снизу вверх, т.е. от народа к власти, и реформация государственного управления — сверху вниз. У них общие участники: народ и элита (та часть социума, которая обладает реальной властью и/или влиянием на социум). В зависимости от предпочтений элиты игра с человеческими судьбами может приводить к повторению трагического круговорота: истории противостояния гражданина и власти (с потерями и жертвами) или к реформации — изменению системы государственного управления и права, которая может остановить трагический круговорот истории. Если реформация возникает в результате политического протеста, трагический круговорот истории не останавливается. Рассмотрим подробнее.

Политический протест

Протестные движения носят разнообразный характер. Это известные с древности экономические демонстрации, отражающие материальное недовольство населения и новейшие «флеш-мобы», которые демонстрируют стремление к организованным действиям групп населения, и многие другие, возникающие в связи с технической революцией в средствах массовых коммуникаций. Экономические протесты нередко перерастают в политические, отражающие недовольство властью.

Однако все протесты в конечном итоге заканчиваются одинаково — временным улучшением условий жизни граждан и последующим более глубоким ухудшением этих условий, насилием и жертвами среди населения (иногда в число последних попадают и государи). Такие же результаты достигаются и тогда, когда применяются методы «ненасильственной борьбы» — новое направление, разработанное американским исследователем Д. Шарпом.

Но знания, ***что делать,*** не предопределяют ответ, какими будут результаты протеста. Руководители движений отвечают на эмоциональные всплески толпы, не понимая глубинных причин, вызвавших протесты, т.е. разум спит, но «сон разума рождает чудовищ» (испанская пословица). Этим чудовищам и будут поклоняться участники протестных движений, жертвуя временем, средствами, иногда жизнями.

Что же могут предложить гражданам лидеры протестных движений? Ничего, кроме собственных кандидатур, которые, якобы, владеют секретами, куда надо идти и зачем. Вспомним французского поэта Беранже:

Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Какие же чудовища рождаются во время сна разума?

Сон разума породил чудовище – государство как политическую систему.

Заимствованные у популяции диких животных принципы управления, когда стаей, стадом, управлял вожак, сохранились до нашего времени. Они повторялись предводителями объединения людей (кланов, племен, государств). Во все времена предводителей государств называют государями.

В далекие времена главными инструментами вожака стада были инстинкт и физическая сила. У предводителя к инстинкту добавились ум и стремление к накоплению (обогащению). Для этого используется принцип, сформулированный древними государями: «разделяй и властвуй», который построен на превосходстве различий над стремлением к единению людей.

Древняя охота людей и животных (поедание накопленных питательных веществ) сменилась нескончаемыми войнами и грабежами накопленных соседями богатств и угона в плен граждан повергнутых государств. Последних превращали в рабов (или в «говорящие орудия», как их называли свободные граждане «демократического римского государства», в отличие от быков, которых называли «полуговорящими орудиями», и повозок – «молчащими орудиями»).

Такие же процессы, но в XVIII-XX веках протекали в форме свободной продажи рабов, колониализма и мировых войн. В основе этих процессов был принцип принятия государственных решений по личному предпочтению (или капризу) государя.

В Средние века, как мы упоминали, такие решения получили название «политических», а государство стало «политической системой». В политической системе, которая распространилась по всему земному шару, государственные решения готовили профессиональные политики.

Здесь уместно подчеркнуть важность тезиса об универсальности принципов управления в природе и обществе.

Известный русский философ А.А. Богданов еще в 1925 году написал, что человек в своей организующей деятельности является только учеником и подражателем великого всеобщего организатора – природы. Поэтому методы человеческие не могут выйти за пределы методов природы и представляются по отношению к ним только слугой! [См.: Богданов, 1989. С. 79].

В связи с этим возникает вопрос: откуда и из каких источников возникают юрисдикции и правила, по которым действуют (или должны действовать) субъект и объект управления государств, каков характер их поведения? Если речь идет, в конечном счете, об источнике норм конституционного права, то какова их связь с принципами управления в природе? Из того факта, что государство существует в естественном мире и природное начало является в нем первичным, вытекает, что все иные источники являются вторичными - опосредованными, т.е. возникшими не непосредственно в природе, а созданные ее порождением – человеком, обладающим способностью мыслить [См.: Куриц, Воробьев, 2007].

Решениям первого государственного лица в Древние века и в Новое время правоведы (помощники, технический аппарат) придавали форму правовых норм (законы Рамсеса, Хаммурапи и др.), которые под страхом наказания регламентировали действия и поведении огромной массы людей (граждан государства). И поныне правоведы подготавливают нормы права, которые подлежат одобрению политиков (парламента) и утверждаются главой государства. Эти нормы игнорируют принципы управления, хотя уже в XVI веке Н. Макиавелли писал о том, что управление государством строится на принципах, которые уже в наше время «используются» менеджментом и маркетингом.

Статус государства как политической системы дает право государю и элите принимать все важнейшие государственные решения. Народу остается лишь исполнять волю правящего класса, поскольку Гражданское

общество как аналог природной функции «обратной связи» действует неэффективно и его роль и значение не закреплены конституционно. Политическое протестное движение повторяет виток за витком трагический круговорот истории и, в лучшем случае, приводит к смене власти, но не изменяет самой системы государственного управления конституционного права.

В XX — начале XXI века система власти несколько изменилась — возникла новая реальная сила, претендующая на единоличное управление государством. К 2019 году, по последним данным, численность долларовых миллиардеров в мире достигла 2400 человек, миллионеров – 12 миллионов. «Финансовые мешки» (money bags), так их называют сегодня, за редчайшим исключением (Б. Гейтс и немногие другие) не только оказывают воздействие на выбор кандидатур и политиков и на принимаемые ими решения, но и сами стремятся стать ими, как в случае с Дональдом Трампом в США. На арену истории постепенно вышла финансовая олигархия со своими принципами превосходства и безграничного властвования, которая, по мнению древних философов (в частности Сократа), представляет наихудшую форму государственного управления.

Сон разума породил еще одно чудовище — представительную демократию. Этот политический режим появился полтора века назад. При нем основным источником власти декларируется (объявляется) народ, но управление государством полностью отдается политической элите, которая на деле формирует представительные органы, а ее членов, в основном, по партийным спискам избирают граждане. При парламентском правлении правящий глава правительства избирается членами парламента, а последних избирают граждане тоже по партийным спискам.

Это — основная форма участия граждан в управлении современным государством, называемая «опосредованным участием», которая, по сути, заключается в отстранении граждан от участия в подготовке, принятии и контроле над исполнением государственных решений.

Исторически сложилось так, что прошлые и современные правовые решения и нормы построены на частном мнении правовых авторитетов, признанных государем. Они игнорируют природные принципы управления, апробированные миллиарды лет, многие из которых в новое время обеспечивают достижения в менеджменте и маркетинге. Понятие «жизненный цикл решения» представляет одну из капитальных основ управления. Жизненный цикл решения включает этапы: подготовки (анализа проблемной ситуации), принятия (утверждения), контроля над исполнением и корректировки по результатам исполнения. Нынешние государственные решения, которые игнорируют этапы жизненного цикла, не позволяют предотвращать ошибки при принятии решений, стимулируя коррупцию. Понятие «жизненный цикл» на практике остается неизвестным правоведам и политологам, хотя в неявном виде оно уже присутствовало еще в процессуальных законах уголовного права в Древнем Риме.

Сон разума, допустивший создание правового института представительной демократии, укрепил власть государя и создал условия для выборов некомпетентным народным плебисцитом членов управляющих органов.

Диктатура

Последствиями этих и других заблуждений стала диктатура властителя государства. Она была заимствована еще в древние времена у популяции диких животных, но укрепилась вследствие объединения функции властвования и функции управления (исполнения) одним физическим лицом. Еще в средние века Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и другие философы пытались ограничить диктатуру государя путем создания независимых законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а позже Д. Мэдисон дополнил эти теоретические положения механизмом «сдержек и противовесов».

Но эти меры не сработали. Великие предшественники не были знакомы с теорией управления и не учитывали, что над принципом координации верховенствует принцип субординации. Эта ошибка привела, например, к тому, что 10 из 12 государств Латинской Америки в недалеком прошлом, скопировав первую в мире демократическую конституцию США, построили жесточайшие диктаторские режимы.

Сложившаяся в течение столетий структура власти, независимо от того признает ли государство верховенство экономических методов (капитализм) или плановых методов (социализм), не учитывала, что стремление предупредить нежелательное развитие событий требует прогнозирования. До нашего времени правоведение многих государств

игнорирует необходимость прогнозирования, представляющего этап стратегического планирования, а с ним и этапы тактического и оперативного планирования. Реализация каждого этапа планирования требует своих специализированных организационных структур, что было известно еще военачальникам в древнейшие времена. Однако конституционное право, представляющее основу законодательства любого современного государства, игнорирует эти понятия.

Выборы

Ныне в большинстве государств право на участие в выборах во власть имеют все взрослые граждане, но лишь 15-20% из них обладает компетентностью и интересуется вопросами управления и развития государства. Так же было в древних римских полисах и в период создания конституции США. Исследования Нобелевского лауреата экономиста-математика К. Эрроу показали невозможность получения достоверного результата выборов, даже если в них участвуют всего три человека.

Поэтому результаты выборов руководителя и руководителей органов государственного управления (особенно, в условиях голосования по партийным спискам) отражают лишь объем финансовых вложений в избирательные кампании, которые удалось собрать кандидатам или эти вложения в состоянии сделать сам кандидат-олигарх.

При этом не имеет доказательного объяснения ограничение сроков пребывания на посту государя. По мнению французского ученого Ж. Блонделя, «...влияние эффекта скоротечности на роль лидеров остается неясным... Можно привести примеры с лидерами, которые эффективно работали и после десяти лет пребывания в должности: возможно, еще важнее пример, когда требуется продление срока пребывания у власти, особенно в периоды возрождения нации (Германия после 1949 г., Франция после 1958 г.). Конечно, в таких случаях необходимо довольно редко встречающееся взаимное доверие лидера и общества: именно так произошло с Аденауэром и, в некоторой степени, с де Голлем. Однако такое случается не часто» [Блондель, 1992. С. 96].

Вместе с тем, как справедливо указывает Р.В. Енгибарян, известный юрист и писатель: «Демократия в своем главном компоненте – всеобщих свободных прямых выборах – требует многоаспектного и исключительно осторожного применения. При действительном свободном изъявлении десятков миллионов очень непохожих друг на друга, имеющих разносторонние интересы избирателей мы получим бесконечные противоречия, дробления государств и обществ… И мир станет неуправляемым. Следовательно, вывод очевиден – нельзя отказаться от одного из основных достижений нашей цивилизации – демократии с всеобщими выборами» [Енгибарян, 2018. С. 94].

Лекарство для пробуждения разума ото сна

Исследование непрекращающегося трагического круговорота истории противостояния гражданина и государства, привело к выводу, что применяемые и подготовленные насильственные и спонтанные насильственные методы политического протеста не могут искоренить его источники и даже заметно повлиять на сложившуюся за долгие тысячелетия ситуацию — источники остаются неизвестными. Применяемые средства анализа, опирающиеся на логику и аналогии, теоретически не могут раскрыть глубинных причин этой проблемы: «История учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставляемых ситуаций»,- писал мэтр дипломатии Г. Киссинджер [Киссинджер, 2017. С. 19].

Таким образом, требуется новое мышление, новая методология анализа происходящих явлений и выработки эффективных решений. В наше время такая методология существует, но с ней не знакомы ни те, кто создает системы государственного управления и права, ни те, кто выступает против. Речь идет о методологии системного подхода, рассматривающего проблему государственного управления и права как целостность, в которой действуют принципы управления живой природой и человеческого общества, закрепленного институтом права.

На сегодня установлена общность систем государственного управления и конституционного права всех существующих государственно-правовых режимов (от либерально-демократических до авторитарных), поскольку принципы управления и связи у них одинаковы. Это свойство присуще системам управления и права миллионов организаций, созданных мыслящим человеком. Обнаружено «родство» систем управления и права государства различных видов организаций. Все они входят в общее родовое понятие «организация». Это открыло возможности для использования в управлении государством научных достижений в области управления

и права (менеджмента, маркетинга, партисипативного управления — участия исполнителей в подготовке решений в организации). Кстати, это свойство общности обнаружил Н. Макиавелли еще в XVI веке.

Изменение статута государства устраняет диктатуру государя, которая была интуитивно заимствована у популяций диких животных и продолжена в действиях государей в роли военачальников. Она не предусматривала (не допускала!) контроля на этапе подготовки государем политических решений (непрозрачность), а также лишала объективности представления последствий этих решений, поскольку за нежелательные последствия государственный информатор мог получить жестокое наказание. Вспомним Пушкина: «В гневе начал «царь» чудесить. И гонца хотел повесить».

Изменение статуса государства закрепляет требования для функционирования обратной связи, которая была открыта Н. Винером как регулятора для всех видов живых существ и созданных человеком искусственных объектов. В государствах эту функцию может исполнять по сути только гражданское общество.

На сегодня актуальной задачей становится деятельность, направленная на разрыв трагического круга противоречий между гражданином и государством, за которое люди платили и платят разорением и жертвами. Важная роль в этом, как уже отмечалось, принадлежит гражданскому обществу.

Гражданское общество – сообщество граждан, независимое от государства, но пользующееся его правовой и материальной поддержкой. Именно оно способно понять суть причинно-следственных связей, глубинных источников «болезней» государства (проблемы, конфликты, кризисы и войны), донести эти знания до широкого круга граждан и обучить будущие поколения. Только став равноправным и ответственным партнером государства, гражданское общество сможет помочь ему самому в решении вопросов повышения качества жизни народов, в том числе в трудный переходный период на пути построения правового социального государства.

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что «государство и гражданское общество – естественные союзники в достижении общих целей, главная из которых – благополучие наших людей. Прочная основа для развития России – это свободное гражданское общество, имеющее огромную внутреннюю созидательную силу» [Выступление В.В. Путина…, 2018].

Таким образом, тысячелетние мечты человечества о контролируемой власти могут быть осуществлены на основе современных знаний о единстве методов управления в природе и человеческом обществе, закрепленном человеческим принципом справедливости, признанным англо-американской, франко-германской и скандинавской правовыми семьями конституционным. Эти знания и их воплощение в конкретные принципы и связи в системе государственного управления и права обеспечат повышение качества жизни граждан, соответствующее их осмысленным желаниям.

Ниже представлены некоторые идеи по реализации этой мечты человечества в конкретных управленческих и правовых формах.

Законодательную власть осуществляет народ - граждане государства (прямая демократия). Они выполняют три функции суверена как непосредственного и исключительного носителя высшей власти в государстве:

1. Постулирование на всенародном референдуме миссии-цели государства и ее ограничений, диктуемых внешней средой (другими государствами), включая искоренение коллективистских идеологий гендерного, национального, расового, территориального, политического, исторического и других видов превосходства: в том числе, создание неодолимых препятствий на развитие финансовой олигархии и других опасных форм вмешательства в государственное управление, контролируемый рост народонаселения, а также запрет на научные исследования, производство, экспорт и использование наступательного оружия, а также исполнение экологических требований. На этой единой основе специалисты формулируют унифицированную конституцию отдельного государства (долгосрочный Основной закон), предусматривающий непрерывный рост качества жизни граждан и жителей страны и выравнивание качества жизни в разных регионах мира;
2. Контролируют исполнение администрацией государства реализации миссии-цели силами государства и Гражданского общества, состоящего из добровольных ее членов, желающих и подготовленных к выполнению такой работы;
3. Избирают на всеобщем референдуме для защиты миссии-цели главу государства из числа беспартийных граждан, пользующихся широким уважением и доверием

большинства граждан. Глава государства является также Стороной в подрядном договоре (для достижения фиксированных результатов в улучшении жизни граждан), принимает лицо, рекомендованное государственной профессиональной конкурсной комиссией на работу в качестве главы администрации государства, принимает и увольняет глав силовых ведомств, а также является куратором Конституционного Совета, выносящего вердикты о конституционности на решения и предложения администрации. Глава государства также является высшим представителем государства на международной арене.

Администрацию государства (исполнительную власть) представляет наемный профессиональный менеджер (в должности Премьер-министра) из числа лиц, имеющих длительный и успешный опыт управления соразмерным с государством объектом. Продолжительность пребывания менеджера в должности главы администрации государства и, в частности, его материальное вознаграждение определяются договором с главой государства и ограничена только результатами движения государства в осуществлении миссии-цели в договорной период времени.

В состав государственной администрации входят независимые подразделения:

1. Парламент, принимающий в развитие конституции правовые нормы для администрации государства (тактического характера), а также подготавливающий предложения по достижению миссии-цели государства. В члены парламента путем выборов делегируются профессиональные правоведы и менеджеры. В его работе участвуют представители общественных организаций, представляющих весь спектр интересов граждан и временных жителей государства;

2. Правительство, принимающее решения оперативно-тактического характера, обеспечивающие оптимальные условия достижения миссии-цели государства, направляемые непосредственно исполнителям (гражданам и временным жителям). Формирование состава правительства — исключительная функция главы администрации;

3. Судебная власть, обеспечивающая исполнение социальных и иных прав граждан для достижения миссии-цели государства на разных этапах продвижения к ней. Решения ветвей администрации, которые могут оказать влияние на социальную сторону движения к миссии-цели государства, подлежат вердикту Конституционного Совета. Существуют, по крайней мере, два сложнейших препятствия для осуществления этого научного замысла, в том числе, переходный процесс от политического к организационному статуту государства и повышение уровня интеллектуальности молодого поколения (пробуждение потребности понимания причинно-следственных связей).

Переходный процесс

История государств - это стихийные процессы, протекавшие в жесточайших условиях. Случайные события влияли на историю каждого из них, и сегодня существует множество вариантов систем государственного управления и конституционного права для всех 193 государств - членов ООН. Между тем, почти восемь миллиардов человеческих тел имеют единую систему управления и одну структуру спирали ДНК, передающей наследство будущему поколению. Миллионы организаций производственного, коммерческого, общественного и культурного назначения имеют одинаковую структуру своих уставов. Невозможно даже представить разнообразие машин и приборов, изобретенных человеком, которые построены па уникальных (единичных) принципах и деталях.

Ныне теоретически доказано, что и для всех государств необходима и достаточна единственная (универсальная) модель государственного управления и конституционного права, которая способна создать оптимальные условия жизни человека. Вопрос в том, хотят ли все люди — мыслящие существа - одинаковых (универсальных) условий жизни. Обратимся к истории. Экономика уже более 4500 лет использует деньги — универсальный эквивалент для обмена немыслимого разнообразия вещей и услуг. Человечество пользуется единичными законами неживой природы: физики и химии и живой природы — биологии. Можно предположить существование универсальных для всех людей потребностей и желаний, выходящих за пределы биологических. На этой основе может быть сформулирована миссия-цель человеческих объединений, ныне называемых государствами, которые в будущем должны превратиться в органы общественного управления. Этот путь — очень сложен, поскольку у нынешних государств различны стартовые состояния систем государственного управления и права: от тоталитарных до либерально-демократических государств. Лидеры «крайних государственно-правовых режимов» уверены в своем превосходстве над соотечественниками и над всем челове-

чеством, забыв о трагических круговоротах истории развития своего государства.

Вместо заключения

Казалось, что политический протест будоражит общество, пробуждая новые идеи и надежды. Нет, не всегда. Натасканные специалистами-пиарщиками вожаки способны собирать многочисленные демонстрации, на которых многократное повторение ими призывов зажигает присутствующих, которым иногда удается добиться смены властных лиц, которые изредка оказывались способными сочувствовать людям. Но системы государственного управления и права оставались неизменными, и новые лидеры оказывались хуже прежних. Но у вожаков протестных движений не было времени или способностей учиться, и «сон разума» продолжается: толпа удовлетворяется многоразовым повторением речевок, ношением белых или цветных ленточек.

Кратко главные причины. В мире существуют миллионы различных видов объединений людей, добровольно созданных для достижения своими силами желаемых общих результатов. Такие объединения носят название организаций, в которых используются современные методы научного менеджмента и маркетинга, а также партисипативного управления. Государство до сих пор рассматривается не как один из видов общего родового понятия «организация», а как феномен, т.е. особенное (политическое) объединение граждан, который не имеет отношения к организации. В управлении государством не используются научные методы, и государственные решения принимаются по сути по личным и субъективным соображениям.

Статус политической системы государства, а точнее общества, должен быть изменен. Государство должно быть признано одним из видов объединения людей, который входит в общее родовое понятие «организация». Этот вид объединения для достижения общих результатов всех его членов на основе профессионального управления опробован сотни лет в миллионах успешно действующих акционерных обществ и корпораций; некоторые из них по числу занятых и объемам капиталов превосходят многие нынешние государства. Изменение статута государства откроет возможности применения эффективных методов менеджмента и маркетинга в управлении, сохранив особые правовые преференции, свойственные только государству, например, право легитимного насилия, регулирование рождаемости граждан и др.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М., 2019.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
3. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука, М., 1989.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Выступление В.В. Путина на церемонии вступления в должность Президента Российской Федерации 7 мая 2018 года // Российская газета.
6. Енгибарян Р.В. Время переоценки ценностей. М., 2018.
7. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2017.
8. Куриц С.Я., Воробьев В.П. Управленческие принципы – источник конституционного права // Право и управление. XXI век. № 1. 2007. С. 50-59.
9. Сравнительная политология / Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2015.

POLITICS AND STATE: TWO SIDES OF THE SAME PHENOMENON

Introduction. *The centuries-old history of the state and political protest movements as their driving force highlights an interesting pattern. Participants, initiators, and leaders are not interested in the underlying causes of protests. The forms and content of management, socio-political systems are changing but in all situations a narrow circle of people continues to make all important decisions.*

Materials and methods. *The study used comparative legal and systemic methods, various materials.*

The results of the study. *Political decisions overtly or covertly threaten performers of these decisions with punishment for non-compliance. However, as a rule only they always bear suffering and losses for erroneous decisions.*

Discussion and conclusion. *According to Hegel a political decision is based "on subjective goals and opinions, on subjective feeling and private conviction that lead to the destruction of internal morality, integrity and conscience, love and law in relations between individuals, on the one hand, and public order and state laws not limited by legal norms and not restrained by public institutions, on the other". The well-known scientists Weber, Duverger, Bentham and many others also held the same opinion that politics expresses "the desire of those in power to possess it, which provides them with control over society and personal benefits". The term "politics" in its modern sense has arisen due to a misunderstanding. The prestige of Aristotle was used to give the befitting justification to the right of the sovereign to make decisions according to his preference and whim. In the 3rd century A.D. Aristotle used in his work the word "politics", which at that time meant "state" ("polity" is the rule of the majority; Aristotle used it as the name of a specific form of state - republic). Now, in many contexts, the word "politics" is used along with the terms "political system" or "state", and the lack of knowledge about patterns is replaced by describing past or fictional events in the lives of the mighty people and fortune-telling about future events.*

Valery P. Vorobiev,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Roman L. Iliev,
President of Synergetics, Foundation for the Study of Civil Society and Human Capital.

Ключевые слова:
политика, государство, политический протест, политическая система, представительная демократия, диктатура.

Keywords:
politics, state, political protest, political system, representative democracy, dictatorship.

References:

1. Alekseeva T.A., 2019. Teoriya mejdunarodnykh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka [The Theory of International Relations as Political Philosophy and Science]. Moscow.
2. Blondel J., 1992. Politicheskoe liderstvo: Put k vseobemlyuschemu analizu [Political Leadership: Way to Comprehensive Analysis]. Moscow.
3. Bogdanov A.A., 1989. Tektologiya. Vseobschaya organizacionnaya nauka [Tectology. Universal Organizational Science]. Moscow.
4. Veber M., 1990. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow.
5. Vystuplenie V.V. Putina na ceremonii vstupleniya v doljnost Prezidenta Rossijskoj Federacii 7 maya 2018 goda [Vladimir Putin Speech at the President of Russia Inauguration Ceremony]. *Rossijskaya gazeta [Russian Newspaper].*
6. Yengibaryan R.V., 2018. Vremya pereocenki cennostej [It's Time to Re-Evaluate Values]. Moscow.
7. Kissindjer G., 2017. Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow.
8. Kuric S.YA., Vorobev V.P., 2007. Upravlencheskie principy – istochnik konstitucionnogo prava [Administration Principles as a Source of Constitutional Law]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration].* № 1. P. 50-59.
9. Sravnitelnaya politologiya [Comparative Political Science]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow, 2015.

Article

КОРПОРАЦИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Игорь Арсеньев*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-3-52-64-70

Введение. *В статье рассматриваются вопросы правосубъектности в отношениях, касающихся прав человека в международном и национальном праве анализируется, насколько исчерпываются данные отношения взаимодействием государства и личности.*

С 2016 года в США ведется расследование Сената по поводу возможного российского вмешательства в ход американских выборов, которое, помимо хакерских атак, возможно, осуществлялось через социальные сети и сервисы, принадлежащие американским транснациональным корпорациям – Facebook, Youtube, Twitter. Дискуссии в Сенате пролили свет на собственно деятельность самих компаний, которые имели возможность и с большой долей вероятности манипулировали общественным сознанием, что является нарушением базовых прав человека на свободу выбора, свободу СМИ и другие. И это происходило при внешнем соблюдении законодательства и норм договорного права.

В статье рассматриваются различные аспекты деятельности компаний Google и Facebook в ходе ряда американских электоральных кампаний в качестве примера нарушений прав человека корпорациями.

Материалы и методы. *Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, аналогия, сравнение) и специальные методы познания правовых явлений и процессов (метод толкования правовых норм, технико-юридический, формально-юридический и формально-логический методы).*

Результаты исследования. *Корпорации сегодня вышли на сопоставимый с государствами уровень влияния. Но если для экономистов или политологов, вопрос о включении в субъектный состав отношений не стоит, у юристов такой вопрос остается открытым. В результате проведенного анализа показано, что традиционный подход к правам человека как отношениям исключительно между государством и личностью не в полной мере отвечает современным реалиям. Субъектом правоотношений является участник общения, которое урегулировано нормами права. В контексте электоральных компаний в США последних лет можно проследить, что крупные ТНК могут нарушать закрепленные в конституции базовые права личности, соблюдая при этом нормы вторичного характера, призванные обеспечить их реализацию, а также нормы договорного права в контексте пользовательских соглашений.*

Обсуждение и заключение. *Обоснована необходимость рассмотрения прав человека в системе отношений «государство – корпорация – частное лицо». Сделан вывод о существовании угрозы соблюдения прав человека со стороны корпораций. Показана актуальность изучения американского опыта влияния интернет-компаний на электоральные процессы в России.*

* **Арсеньев Игорь Андреевич,** аспирант кафедры европейского права МГИМО МИД России, директор Ассоциации выпускников МГИМО
e-mail: igor.arseniev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8625-0558

Введение

С 2016 года за океаном не утихают дискуссии о возможном вмешательстве Москвы в президентские выборы в Соединенных Штатах Америки. О роли России пишут многие американские СМИ, выступают с заявлениями видные чиновники, Сенат США инициировал собственное расследование.

Основным инструментом возможного влияния Москвы считались хакерские атаки и активность в социальных сетях Facebook, Twitter, Instagram и других.

Расследование Сената состоит из пяти частей:

- общая безопасность выборов;
- оценка действий администрации предыдущего президента Барака Обамы;
- роль социальных сетей;
- прежние выводы комитета по этому вопросу;
- анализ кампании президента Дональда Трампа в свете ее возможных связей с Россией [1].

Доказать влияние Москвы американским чиновникам на сегодня не удалось. Однако слушания по этому вопросу приобрели новый поворот, когда обсуждался вопрос об уровне влияния интернет-компаний на выборы в США.

Исследование

В июле 2019 г. американский ученый-психолог Роберт Эпштейн в ходе слушаний в Сенате ответил на вопросы сенатора Теда Круза и доложил о своих исследованиях деятельности американских интернет-гигантов Google, Facebook, Twitter и др., которые могли повлиять на ход основных американских электоральных кампаний [10]. Р. Эпштейн в течение последних шести с половиной лет занимается изучением данного вопроса [4].

В ходе слушаний Т. Крузом отмечалось, что Google является монополистом среди поисковых систем в Соединенных Штатах и занимает до 90% рынка. Возможности влиять на избирателей поистине безграничны, настолько, что во многих языках закрепился такой глагол, как «загуглить». Контроль компании Google над тем, что «люди смотрят, слышат и говорят беспрецедентен» [3].

Работа Google основана на цифровом алгоритме, который разработан и поддерживается людьми. При всех поисковых запросах мы видим лишь то, что Google нам позволяет видеть и в порядке, который нам предлагается. Google сам предлагает пользователям, что им надо искать. То же самое относится и к дочерней компании Youtube – ранжированный поиск и предложение по последующим видео. Опять же алгоритм написан людьми. Он с большой долей вероятности нацелен на манипулирование массовым сознанием.

Тед Круз приводит пример того, что традиционные СМИ могут быть привлечены к ответственности за публикации, даже при размещении материалов, созданных третьими лицами. Это не относится к Google и Youtube. Такие привилегии американские интернет-компании получили при принятии в США в 1996 г. Закона о пристойной коммуникации (Communication Decency Act, перевод по сайту ЮНЕСКО – прим. автора). При этом отмечалось, что: «Интернет и другие интерактивные цифровые сервисы предлагают площадку для подлинного разнообразия политического дискурса, уникальных возможностей для культурного развития и бесчисленных возможностей для интеллектуальной деятельности»[1]. Равенство мнений, по мнению сенатора Круза, сегодня не обеспечивается должным образом. Деятельность интернет-гигантов не прозрачна. Это нарушает свободу слова – одно из базовых прав человека.

В своих показаниях Роберт Эпштейн приводит данные, собранные на основании 13 000 соответствующих поисковых запросов накануне выборов Президента США 2016 г., и приходит к выводу, что деятельность компаний изменила электоральное поведение порядка 2,6 миллионов избирателей [4] в пользу кандидата Хиллари Клинтон. Он провел целый ряд экспериментов, которые доказали, что манипуляции с поисковыми запросами могут влиять на значительные группы лиц [9]. Потому что многие люди склонны в первую очередь доверять тому, что видят на первом плане [11]. Эффект от таких манипуляций незаметен глазу и нет подтверждающих документов, которые помогли бы надзорным органам прекратить подобную активность.

Роберт Эпштейн отмечает, что в отличие от бил-бордов или рекламных постов, размещенных из России, такие манипуляции незаметны и противоречат принципам равенства выборных процессов.

Анализируя выборы 2018 года в американский парламент, Эпштейн пришел к вы-

[1] Закон США о пристойной коммуникации 1996 г. Сайт Сената США.

воду, что уведомление с призывом идти на выборы, которое Google разместил на своей стартовой странице, принесло дополнительные 800 000 голосов. Это была именно манипуляция. Кроме того, анализ 48 000 поисковых запросов при помощи разработанных ученым алгоритмов позволяет сделать вывод о том, что манипуляции с поисковыми запросами могли повлиять на выбор в пользу одной из партий 78,2 миллионов избирателей [1].

Разработанный ученым алгоритм позволяет отследить, когда Facebook выводит необходимые новостные посты или Twitter отодвигает с первых позиций поиска необходимые публикации. Единственный путь противодействия такой активности – сделать поисковый алгоритм транспарентным.

Выходит, что американское общество столкнулось с проблемой, когда крупные транснациональные корпорации могли влиять и со значительной долей вероятности влияли на волеизъявление граждан. Такое влияние противоречит основополагающим правам человека – свободе слова и свободе волеизъявления.

Отечественные ученые в области прав человека в своем большинстве придерживаются точки зрения о том, что данная сфера включает в себя отношения двух субъектов – государство, которое устанавливает права и обязанности, и личность. Любое негативное вмешательство в эти отношения между государством и личностью рассматривается ими как нарушение именно законодательства, а не прав человека [1].

В современном обществе корпорации зачастую оказывают негативное влияние на права отдельных лиц или их групп. Такое влияние выливается в иски против компаний по поводу соблюдения законов. При подобных судебных спорах компании выступают стороной в тяжбах. Однако признание их правореализующими субъектами отношений в области прав человека не происходит.

То есть проблема, которая не стоит перед экономистами и политологами, относительно субъектного состава отношений, у юристов вызывает вопросы. Это связано с процессом становления прав человека как отдельной отрасли международного и национального права. Государства устанавливают правила игры и отвечают за их обеспечение. Права человека формировались в рамках советской доктрины международного публичного права, субъектный состав которого корпорации в себя не включал.

Отдельные ученые, исходившие из единства международного публичного и частного права, например профессор И.П. Блищенко, относят к субъектам международного права «народ, государства, межгосударственные организации, борющиеся нации, а также транснациональные корпорации (далее – ТНК), частные лица, участвующие в международном экономическом обороте, и международные неправительственные организации» [2].

Этот подход расширяет предметное поле международного права и снимает вопросы относительно того, являются ли корпорации субъектами правоотношений в области прав человека. Кроме того, само развитие прав человека (как отрасли права) включило в число защищаемых законом прав новые свободы. С появлением ТНК, обладающих большим экономическим потенциалом, сходным по масштабу с некоторыми государствами, их участием в договорных отношениях с государствами вопрос о международной правосубъектности корпорации должен был отпасть. Права человека сегодня вышли на стык публичного и частного права.

Собственно сайт Google в части условий пользования приводит целый ряд интересных положений и оговорок:

1. Google описывает, что система упорядочивания и ранжирования страниц согласно поисковым запросам основывается на целом ряде алгоритмов, которые, в свою очередь, берут в расчет множество факторов – собственно сам запрос, релевантность и удобство страниц для пользователя, их надежность, местоположение устройства, откуда сделан запрос, а также индивидуальные настройки. Причем вес каждого из приведенных факторов различен в контексте каждого запроса.

Иными словами, алгоритм сам определяет, что делать с запросом пользователя в зависимости от собранных данных, места подачи запроса, устройства подачи (на основе идентификации устройства делается вывод о благосостоянии пользователя) – предельно широкое поле для манипуляций

2. Компания не несет ответственности относительно содержательной части предлагаемых услуг и их возможностей и надежности. Услуги, которые называются «службами», предоставляются в единственно доступном виде.

На практике эта оговорка означает, что Google прямо заявляет о том, что форма и порядок подачи информации определяется Компанией по своему усмотрению.

3. Google, его дистрибьюторы и его поставщики снимают с себя ответственность за различные виды ущерба – прямые или косвенные, подробно описывая виды возможных негативных последствий на своем сайте.

Фактически Google не берет на себя обязательств за нарушения интересов и прав пользователей, ограничивает их в средствах защиты.

4. Google сохраняет за собой право вносить любые изменения в Условия пользования ресурсами компании при обновлении своих «Служб». Пользователь должен регулярно отслеживать такие изменения, в случае своего несогласия, он должен просто отказаться от работы с сервисами компании. Правила пользования меняются регулярно, о чем компания сообщает, однако алгоритм подвергается изменениям постоянно, о сущности таких изменений компания не уведомляет, предлагая просто отказаться от использования ее ресурсов.

По заверениям компании поисковая система выдает именно «те результаты, которые нужны» (не уточняя при этом, кому). А только в 2018 году было реализовано более 3234 изменений в работе алгоритма [5].

Необходимо понимать, что Google – не просто поисковая система, это корпорация, которая ее изобрела, развила и использует для извлечения прибыли. За 2018 год компания отчиталась о 36,52 миллиардах долларов прибыли, при общих доходах свыше 136 миллиардов. Ее акции торгуются на фондовой бирже NASDAQ. Капитализация материнской компании Google - Alphabet составляет порядка 600 миллиардов долларов. По сфере охвата Google – глобальная американская корпорация. За ней – конкретные люди с конкретными интересами.

Анализ ситуации вокруг американских интернет-гигантов в контексте выборов позволяет сделать вывод, что компании вроде как действуют в рамках созданных государством норм. Внешне соблюдается избирательное законодательство, например, о том же дне тишины, соблюдаются договорные отношения с пользователями, которые самостоятельно принимают те или иные политики компаний. Причем зачастую для подтверждения такого согласия нужно лишь воспользоваться ресурсами, которые занимают доминирующее положение на рынке, не имея альтернатив. В действительности это компании действуют вопреки нормам. Очевидно использование монопольного положения на рынке (навязывание своего продукта в отсутствии конкуренции), манипулирование массовым сознанием, в том числе в политических целях, нарушения законодательства о СМИ (отсев или ранжирование источников).

В Конституции США зафиксирована не только юридическая категория «права человека», но и ее конкретное содержание (как объект права), которое включает в качестве основных прав человека следующие: политические, юридические и политико-экономические (право на частную собственность). В самой Конституции США закреплены также: право избирать и быть избранным, запрет на дискриминацию граждан различных штатов внутри страны. Права человека получили свое закрепление в еще одном основополагающем документе США – Билль о правах, который, помимо других, гарантировал свободу слова, печати.

Сформировавшееся на этой основе избирательное право, договорное право, применимые к данной проблематике, развивались в нормативных актах, имеющих вторичную силу по отношению к основообразующим документам. Оно призвано обеспечить реализацию закрепленных гарантий. Наблюдается интересная коллизия, когда компании, не нарушая законы, созданные для обеспечения закрепленных в документе высшей юридической силы прав человека, их тем не менее с серьезной долей вероятности нарушают.

Рассмотрение компании как равного участника отношений в аспекте прав человека, наряду с государством и отдельными лицами, позволяет по-новому взглянуть на проблему. Речь не идет о размывании традиционной системы регулирования прав человека, при которой государства создают правила поведения и осуществляют надзор за их исполнением. Данный подход позволяет обеспечивать ответственность компаний за соблюдение прав человека, не ведя при этом дискуссий о субъектном составе таких отношений, который очевидно включает в себя три стороны – государства, корпорации и физических лиц.

Возвращаясь к теме вмешательства в выборы в США, очевидно, что активность российского и пророссийски настроенного сегмента интернета, пользователей Google и Facebook, равно как и в других социальных медиа оказала несоизмеримо меньшее влияние, если оно и было в принципе, на электоральное поведение американских граждан, чем бизнес-деятельность интернет-гигантов. Подобные действия пользователей интернет

ресурсов легко отслеживаются и не могут привести к смене устоявшихся электоральных предпочтений сознательного избирателя, в то время как манипулирование информацией на подсознательном уровне имеет гораздо более серьезные последствия.

Постоянные изменения поисковых алгоритмов оказывают манипулирующее воздействие ежеминутно и ежедневно, оно как раз и способно изменить электоральные предпочтения.

Исследования Р. Эпштейна показывают, что за одну поисковую сессию можно значительно изменить воззрения пользователей, а эффект от периодического на протяжении недель или месяцев взаимодействия с заранее несправедливо настроенной системой поисковой выдачи может, вне всякого сомнения, оказать определяющее воздействие [12]. В своих многочисленных статьях он обстоятельно доказывает, что манипулирование имело место. Например, на выборах 2018 года оно привело к победе демократической партии в регионах с традиционным сильным влиянием республиканцев [8].

Google опровергает подобные обвинения, так как их очень сложно доказать. Как уже подчеркивалось выше, нет подтверждающих документов («бумажного следа»). Широко об этом заговорили, когда в 2018 году The Wall Street Journal опубликовал утечку из внутренней электронной переписки Google, в котором подобные манипуляции назывались «эфемерным опытом».

При введении поискового запроса высвечиваются некоторые предложения для поиска, которые уже оказывают первое воздействие, затем появляются результаты поиска. При этом данные о поиске нигде не хранятся. Отследить это можно, анализируя активность непосредственно в момент пользования ресурсом.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что корпорации являются полноценными участниками отношений в сфере обеспечения прав человека. Они выступают правоприменяющими субъектами отношений и в ходе своей деятельности могут негативно влиять на права человека. Дискуссия о возможном вмешательстве России в электоральные процессы в США вылилась в анализ бизнес-деятельности американских ТНК, которая не является транспарентной и с большой долей вероятности противоречит базовым документам права США – Конституции, закону об интернет коммуникации (Закон США о пристойной коммуникации 1996 г.).

Заключение

Все эти наблюдения относятся не только к США. Тот же Google занимает доминирующие позиции во многих странах. Например, в России доли Google и Яндекс на рынке поисковых систем в прошлом году были примерно равны. К Яндексу также нередко предъявлялись обвинения в манипулировании с поисковыми запросами. То есть влияние IT-гигантов на политические процессы не является исключительно американской проблемой.

Несмотря на то, что Google в России представлен ООО «Гугл», политика компании определяется условиями пользования сервисами материнской компании. Примечателен в этом контексте судебный дискурс по иску А.Л. Буркова против Google-Россия по вопросу мониторинга личной переписки [6]. Суд, к слову, поддержал позицию Буркова и запретил Google отслеживание его переписки, что тем не менее не привело к изменениям в общей практике компании.

Инструментарий влияния на воззрения избирателей интернет-компаниями вполне применим и в нашей стране. А за юридическими последствиями слушаний в Сенате США еще предстоит понаблюдать.

Литература:

1. Арсеньев И.А. Соотношение международной и национальной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. № 9(88). 2015. С. 54-58.
2. Блищенко И.П., Ж. Дория. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999.
3. Видеозапись вступительной речи Сенатора Т. Круза на слушаниях в Сенате США. Июль 2019 г. Youtube.
4. Видеозапись выступления Р. Эптштейна на слушаниях в Сенате США, июль 2019 г. Youtube.

5. Принципы работы поиска. Сайт Google поиска.
6. Сайт Московского городского суда. Информация по гражданским делам апелляционной инстанции. Дело № 33-30344.
7. Сенат США опубликует отчет по собственному «российскому расследованию». РИА Новости 28.06.2019.
8. Dr. Robert Epstein on Google's ability to affect the outcome of elections. Сайт телеканала Fox News. 08.09.2019.
9. Epstein R. Subtle New Forms of Internet Influence Are Putting Democracy at Risk Worldwide. In: Lee N. (eds) Google It. Springer, New York, NY. 2016
10. Epstein R., Robertson E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 112(33). E4512-E4521. 2015.
11. Epstein R, Robertson E., Lazer D., Wilson C. Suppressing the Search Engine Manipulation Effect (SEME) // ACM Human-Computer Interaction. Vol. 1. No. 2. Article 42. 2017.
12. Epstein R, Robertson E., Smyth R., Vasconcellos T., Lao M. Which Relationship Skills Count Most? A Large-Scale Replication // Journal of Couple & Relationship Therapy. Innovations in Clinical and Educational Interventions. Vol. 15. Issue 4. 2016.

CORPORATIONS AND HUMAN RIGHTS - NEW CHALLENGES AND SOLUTIONS

Introduction. *The article examines the issues of legal personality related to human rights in international and national law and whether these relations are limited by the interaction of the state and the individual.*

Since 2016 the United States has been investigating alleged Russian meddling in the US election, which, in addition to hacker attacks, might have been carried out through social networks and services owned by the American multinational corporations – Facebook, Youtube, Twitter, etc. Discussions in the Senate shed light on the business activities of the companies themselves which had an opportunity to manipulate and most likely manipulated the public consciousness, which is a violation of the basic human rights to freedom of choice, freedom of the media and others. At the same time this activity occurred with the alleged observance of legislation and contract law.

The article discusses various aspects of the activities of Google and Facebook during a number of American electoral campaigns as evidence of corporate human rights violations.

Materials and methods. *The methodological basis of the study comprises general scientific (analysis, analogy, comparison) and special methods of researching legal phenomena and processes (method of interpretation of legal norms, technical-legal, formal-legal and formal-logical methods).*

The results of the study. *Nowadays Corporations have reached a level of influence comparable to that of the states. But if for economists or political scientists there is no question of including companies in the legal personality structure, lawyers still have doubts. The analysis shows that the traditional approach to human rights as a relationship exclusively between the state and the individual does not fully meet modern realities. The person of legal relations is a participant in interaction regulated by the rules of law. The electoral campaigns in the United States in recent years show that large transnational corporations are able to violate the fundamental rights of the person enshrined in the constitution while observing secondary norms designed to ensure their implementation as well as contract law concerning user agreements.*

Discussion and conclusions. *The necessity of considering human rights in the system of relations "state - corporation – physical individual" was substantiated. The conclusion is made that corporations are a threat to the observance of human rights. The topicality of researching the American experience regarding Internet companies influencing the electoral processes in Russia was shown.*

Igor A. Arsenyev,
Postgraduate Researcher, the Department of European law, MGIMO University under the MFA of Russia; Director, MGIMO Alumni Association.

Ключевые слова:
корпорация; права человека; субъекты права; массовые нарушения прав человека; свобода выбора; свобода слова; избирательное право; договорное право.

Keywords:
corporation; human rights; persons of law; massive human rights violations; freedom of choice; freedom of speech; suffrage legislation; contract law.

References:

1. Arsen'ev I.A., 2015. Sootnoshenie mezhdunarodnoj i nacional'noj sistemy zashchity prav cheloveka [Correlation of international and national human rights protection system] *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal].* № 9 (88). P. 54-58.
2. Blishchenko I.P., ZH. Doriya, 1999. Precedenty v mezhdunarodnom publichnom i chastnom prave [Precedents in international public and private law] Moscow.
3. Videozapis' vstupitel'noj rechi Senatora T. Kruza na slushaniyah v Senate SSHA. Iyul' 2019 [Video of the opening speech of Senator T. Cruz at a hearing in the US Senate, July 2019]. *Youtube*.
4. Videozapis' vystupleniya R. Eptshtejna na slushaniyah v Senate SSHA, iyul' 2019 [Video recording of R. Eptstein's speech at the hearings in the US Senate, July 2019]. *Youtube*.
5. Principy raboty poiska [The principles of the search]. *Sajt Google poiska [Google Search Site].*
6. Sajt Moskovskogo gorodskogo suda. Informaciya po grazhdanskim delam apellyacionnoj instancii. Delo № 33-30344 [Site of the Moscow City Court. Information on civil cases of appeal. Case № 33-30344].
7. Senat SShA opublikuet otchet po sobstvennomu "rossijskomu rassledovaniyu" [The US Senate will publish a report on its own "Russian investigation"]. *RIA Novosti [RIA Novosti].* 28.06.2019.
8. Dr. Robert Epstein on Google's ability to affect the outcome of elections. *Sajt telekanala Fox News [Fox News Channel website].* 08.09.2019.
9. Epstein R., 2016. Subtle New Forms of Internet Influence Are Putting Democracy at Risk Worldwide. In: Lee N. (eds) Google It. Springer, New York.
10. Epstein R., Robertson E., 2015. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA.* 112(33), E4512-E4521.
11. Epstein R, Robertson E., Lazer D., Wilson C., 2017. Suppressing the Search Engine Manipulation Effect (SEME). *ACM Human-Computer Interaction*. Vol. 1. No. 2. Article 42.
12. Epstein R, Robertson E., Smyth R., Vasconcellos T., Lao M., 2016. Which Relationship Skills Count Most? A Large-Scale Replication. *Journal of Couple & Relationship Therapy. Innovations in Clinical and Educational Interventions.* Vol. 15. Issue 4.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получат уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление федеральной и региональной собственностью
- Цифровое государственное управление
- Экономическая политика
- Федеральное и региональное управление (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Теория политики
- Политическая конфликтология
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика

Программы очной магистратуры:

Государственное и муниципальное управление

- Государственное управление устойчивым развитием
- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Digital Public Governance (совместно с Университетом Sapienza, Италия)
- Smart City Management (совместно с Университетом Ёнсе, Республика Корея)
- International Public and Business Administration (совместно с Университетом г. Мачерата, Италия)

Политология

- Международный политический консалтинг
- GR и бизнес-дипломатия
- GR and International Lobbing (совместно с Флорентийским университетом, Италия)
- International Political Consulting (совместно с Университетом Никосии, Республика Кипр)
- Political Consulting and International Relations (совместно с Университетом Пизы, Италия)

Международные отношения

- Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов
- External Relations of Regions (совместно с Университетом Кальяри, Италия)

Телефон для справок:
(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства “Роспечать” - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9.
Подписано в печать 25.09.2019 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 300 экз. Заказ № 1487

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна

© Право и управление. XXI век, 2019